
Колыбельникова Нина
Если судьба делает тебя жертвой — самое время поменять правила игры
Героиня не по сценарию

Нина Колыбельникова
Героиня не по сценарию

https://litres.ru/74877192

Аннотация

БУКТРЕЙЛЕР

Я очнулась в теле героини книги… и точно помню одно - в этой истории она плохо кончила.

Ее медленно ломали: жених-манипулятор, коварная мачеха и отец, который перестал ей верить. В прошлой версии сюжета она проиграла. Но есть одна проблема. Я - не она.

Я вижу каждую ловушку, каждую ложь и каждую игру, в которую они пытаются втянуть меня. И если они думают, что снова получат удобную жертву… им стоит приготовиться.

В книге:

☆ попаданка со стальным характером

☆ жених-манипулятор

☆ хитрая мачеха

☆ милашка фамильяр со своими интригами

☆ отец, которому необходимо будет открыть глаза

☆ обаятельный декан боевой дисциплины

☆ ХЭ

Содержание

Пролог	4
Глава 1	21
Глава 2	33
Глава 3	44
Глава 4	57
Глава 5	70
Глава 6	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Пролог

Аэлина Вейр

Утро в имении Вейр всегда пахло свежим воздухом и ароматной выпечкой, но сегодня в покоях Аэлины воздух казался липким и удушливым.

Девушка стояла перед ростовым зеркалом в одной сорочке, и ее пальцы дрожали, когда она касалась ткани платьев.

Изумрудное? Слишком яркое, Каэль скажет, что оно «кричит о моем желании привлечь внимание». Серое? Он заметит, что я в нем «теряюсь, как бледная тень».

«Стоп. Это не мои мысли», — сознание пыталось о чем-то девушку предупредить, но та лишь отогнала сомнения в сторону. — *«Не смей давать слабину. Убирайся!»*

Однако тело не слушалось. Аэлине казалось, что кожа стала болезненно-фарфоровой, а под глазами залегли тени, которые не скроет ни одна пудра.

— Госпожа, позвольте, — Майла, горничная с вечно испуганными глазами, потянулась к шнуровке корсета.

— Не трогай! — Аэлина резко отпрянула, едва не задев локтем туалетный столик. Флаконы с духами жалобно звякнули. — Я сама. Уйди.

— Но ваш супруг... он ждет вас к завтраку вместе с вашей мачехой, леди Лиссой… — пролепетала горничная, — они не любят, когда вы опаздываете.

Имя супруга подействовало как удар хлыстом. Аэлина заставила себя сесть в кресло перед зеркалом. Сердце колотилось в горле. В голове то и дело крутились его слова: *«Дорогая, ты выглядишь... утомленной. Кажется, учеба забирает у тебя последние силы. Может, тебе стоит отказаться от факультатива по артефакторике?»* И она решила отказаться. Действительно, силы сейчас нужны для другого. После смерти отца о факультативах только и думать…

— Хорошо, — выдохнула Аэлина, вцепляясь пальцами в резные подлокотники так, что побелели костяшки. — Причеши меня. Только быстро.

Майла подошла со спины. Зубья костяного гребня мягко коснулись черных, как крыло ворона, волос. Аэлина смотрела на свое отражение, пытаясь найти в нем ту веселую, ту прежнюю девушку, какой она была всего год назад.

«Я — не она. Я — сильная. Каэль мне поможет, вместе мы справимся».

Тишину комнаты нарушало только мерное шуршание гребня. И вдруг — резкий, сухой звук. Словно рвется тонкий шелк.

Майла охнула. Она отшатнулась от кресла, прижимая ладонь к губам. Ее лицо стало белее простыни, а в другой руке, зажатой в судороге, остался висеть тяжелый, безжизненный клок черных волос. Длинные пряди вырвались с корнем, оставив на расческе клочья спутанной тьмы.

— О боги... — прошептала горничная. — Госпожа... что

с вами? Клянусь, я... я едва коснулась...

Аэлина замерла. В зеркале она видела зияющую пустоту в своей прическе. А кожа на голове в этом месте ни капли не горела. Девушка вообще ничего не почувствовала.

Аэлина тяжело задышала, вглядываясь в отражение.

— Нет, — прошептала она. – Нет, нет, нет…

Девушка закричала в истерике, а затем одним взмахом руки сбросила с туалетного столика все флаконы. Приторно-сладкая жидкость, от аромата которого Аэлину тошнило, расползлась по комнате. Она ненавидела этот парфюм и уходовые средства, но супругу они нравились, поэтому девушка терпела.

— Что ты со мной сделала?! – во все горло закричала Аэлина, в то время как горничная от страха вся затряслась, прикрыв рот ладошкой.

— Госпожа, — Майла упала на колени, а из ее глаз полились слезы. – Не виновата! Я ни в чем не виновата! Клянусь!

— Тварь! – вскрикнула Аэлина и со всей силы влепила горничной пощечину. – Ты сделала это нарочно! Понравился Каэль?! Решила соблазнить моего мужа?!

— Да что вы! Я бы никогда…

— Ты уволена! – рассвирепела Аэлина. – Жалование можешь получить у управляющего Килтона. Проваливай, и чтобы я больше тебя не видела!

— Но…как, — слезы горничной мгновенно высохли, теперь на ее лице были неверие и шок. – Ваш отец никогда бы

не позволил…

— Мой отец мертв! – выкрикнула Аэлина и резко обернулась к зеркалу.

Руки ее дрожали, она прикрыла ладонями лицо и горько заплакала, пока испуганная Майла медленно пятилась к выходу, боясь снова попасть под горячую руку.

Дверь захлопнулась, отсекая испуганный взгляд Майлы, и Аэлина рухнула на кровать, не заботясь о том, что помнет дорогое покрывало. Всхлипы разрывали грудь, переходя в тихий, судорожный вой. Она сжалась в комок, обхватив себя руками, словно пытаясь удержать остатки рассыпающейся реальности.

«Что со мной происходит?» — билась в голове единственная мысль. — *«Почему я так слаба? Почему я ломаюсь от одного взгляда, от одного неловкого движения служанки?»*

Она зажмурилась, и перед глазами всплыло лицо Каэля — его тонкие губы, изогнутые в едва заметной, снисходительной улыбке. Его голос, мягкий и тягучий, как яд, снова зазвучал в ушах: *«Ты никчемная, Аэлина. Без меня ты — ничто. Тень былого величия твоего отца. Но ты в этом не виновата, дорогая. Это все из-за отсутствия матери, тебе не хватало женской поддержки. Ты должна быть благодарна, что Лисса к тебе благосклонна. Бери с нее пример»*. И сейчас, глядя на вырванный клок волос, она понимала: он прав. Она не справляется. Она портит все, к чему прикаса-

ется. Даже собственная красота покидает ее, обнажая внутреннюю пустоту.

Резкий, уверенный стук в дверь заставил ее вздрогнуть и затаить дыхание.

— Госпожа? — голос второй горничной, более опытной и строгой, прозвучал приглушенно. – Как вы себя чувствуете? господин Каэль и леди Лисса уже в малой гостиной. Вы готовы к завтраку?

Аэлина замерла. Холодный пот прошиб спину. Спуститься туда? В таком виде? С покрасневшими глазами и этим ужасным изъяном на голове? Каэль увидит. Он не просто расстроится — он разочаруется. Его холодный, оценивающий взгляд будет жечь сильнее раскаленного железа. Она снова покажет свою никчемность, снова заставит его стыдиться такой жены.

— Передай… — голос сорвался, и она прокашлялась. — Передай, что я не голодна. У меня мигрень. Я не приду.

Дверь приоткрылась. Горничная заглянула в комнату. Ее взгляд скользнул по разбросанным флаконам духов, по зареванному лицу Аэлины и остановился на дрожащих руках хозяйки. В этом взгляде не было почтения — только колючая, унизительная жалость. Так смотрят на сломанную куклу, которую жалко выбросить, но играть с ней уже не хочется.

— Как пожелаете, госпожа, — сухо ответила женщина и скрылась, тихо притворив дверь.

Аэлина осталась в тишине. Она лежала, глядя в потолок,

и машинально пропускала черные, как смоль, пряди сквозь пальцы. Каждый раз, когда рука проходила рядом с тем самым местом, сердце пропускало удар. «*Как скрыть? Как обмануть его? Если он узнает, он окончательно поймет, что я бракованная*».

Внезапная вспышка упрямства, рожденная из самого глубокого отчаяния, заставила ее подняться. Она не может просто лежать здесь. Это только подтвердит его слова.

Действуя как в тумане, она подошла к шкафу. Пальцы выбрали закрытое платье пыльно-розового цвета — оно казалось ей достаточно скромным, чтобы не раздражать Каэля, и достаточно нарядным, чтобы не выглядеть жалко. Она долго возилась с волосами, зачесывая их наверх, стягивая в неестественно высокий и тугой хвост. Кожа на голове натянулась, причиняя тупую боль, но зато залысина была надежно скрыта под слоем черного шелка волос.

Она посмотрела в зеркало. Бледная, как смерть. Аэлина изо всех сил ущипнула себя за щеки, вызывая искусственный, болезненный румянец.

— Я справлюсь, — прошептала она, не узнавая своего голоса. — Я буду достойной.

Она вышла из комнаты. Шикарная обстановка имения Вейр, которую она когда-то любила — эти золоченые рамы, тяжелые портьеры, запах воска и старой бумаги, теперь казалась ей декорациями в театре абсурда. Стены давили на плечи. Каждый шаг к гостиной отдавался гулом в ушах.

Подходя к дверям, она замедлилась. Изнутри донесся звук, который заставил ее замереть на месте. Это был смех. Легкий, переливчатый смех мачехи и низкий, бархатистый смех Каэля. Они о чем-то переговаривались, и в их голосах слышалась такая гармония, такая простая человеческая радость, которой Аэлина не чувствовала уже целую вечность.

Она прислонилась лбом к прохладному дереву двери. Горло перехватило спазмом. «*Почему им так легко? Почему они счастливы, а я чувствую себя лишней в собственном доме? Что со мной не так?*»

Мир вокруг нее был ярким и живым, а она была лишь черной дырой, поглощающей этот свет. Ей казалось, что стоит ей войти, и этот смех оборвется, сменившись тяжелым вздохом или холодным замечанием.

Сжав кулаки так, что ногти впились в ладони, Аэлина толкнула двери и шагнула в свет гостиной.

Тяжелые створки распахнулись с громким стуком, и Аэлина шагнула внутрь, готовая извиняться за опоздание, готовая быть «достойной» своего идеального мужа. Но то, что предстало перед ее глазами, заставило воздух застрять в легких, превращаясь в ледяную пробку.

Завтрак в малой гостиной, можно было сказать, подходил к завершению, вот только на длинном дубовом столе, среди фарфоровых тарелок с нетронутым омлетом и хрустальных ваз с фруктами, полулежала Лисса. Ее домашнее платье из тончайшего шелка вызывающе облегало фигуру, обнажая

щиколотки, а золотистые локоны, которые всегда казались Аэлине эталоном красоты, рассыпались по скатерти блестящим ореолом. Она смеялась, запрокинув голову, подставляя шею солнечному свету, и этот смех, звонкий и торжествующий, заполнял комнату.

Каэль сидел рядом. Его поза была расслабленной, почти ленивой. Одной рукой он опирался на столешницу, а пальцами другой медленно, с какой-то пугающей нежностью, подносил к губам Лиссы крупную, налитую соком виноградину.

Аэлина замерла. Внутри все похолодело так резко, что кончики пальцев закололо иголками. Она смотрела на них, ожидая, что сейчас они отпрянут, что Каэль вскочит, начнет оправдываться, скажет, что это какая-то игра или шутка... Но время шло, а сцена не менялась. Две прислужницы, стоявшие у дальней стены, застыли каменными изваяниями с опущенными вниз глазами. В их неподвижности читалось самое страшное — привычка. Они не были удивлены. Они видели это раньше.

— Что… что здесь происходит? — голос Аэлины прозвучал тонко, почти истерично.

Она сделала шаг вперед, пошатываясь, словно земля под ногами уходила в бездну. Сердце колотилось в горле, мешая вдыхать.

— Каэль? Лисса? Вы… вы с ума сошли? Что вы себе позволяете?!

Каэль даже не вздрогнул. Он медленно повернул голову,

и его светлые, как выцветшее небо, глаза скользнули по жене с тем самым выражением, с каким смотрят на назойливое насекомое, прервавшее интересную беседу. Он не убрал руку от губ мачехи. Напротив, Лисса игриво прикусила виноградину, глядя на Аэлину сквозь полуприкрытые веки с нескрываемым превосходством.

— Почему ты не в постели, дорогая? — спросил Каэль ровным, обволакивающим тоном. В его голосе не было ни капли вины, только легкое недовольство. — Ты же сама передала через горничную, что плохо себя чувствуешь. Мигрень — дело серьезное. Тебе не следовало вставать.

— Я… я пришла… — Аэлина захлебнулась словами. Ее зрение начало подводить, края комнаты поплыли, наползая серой дымкой. — Объясни мне! Каэль, она — жена моего отца! Она — моя мачеха! Что ты делаешь?!

Она ждала объяснений, крика, чего угодно, но только не этого ледяного спокойствия. Каэль отложил веточку винограда и, не сводя глаз с Аэлины, наклонился ниже. Медленно, смакуя каждое мгновение, он прикоснулся своими губами к губам Лиссы. Это был не случайный жест, а долгий, властный поцелуй, прямо здесь, на глазах у законной жены и прислуги.

Мир внутри Аэлины окончательно рухнул. Тот хрупкий каркас, который она выстраивала все утро, щипая щеки и зачесывая волосы, рассыпался в труху.

— Нет… нет, этого не может быть… — прошептала она,

отступая назад.

Руки сами собой взлетели к голове. Она вцепилась в корни своих волос, в тот самый высокий хвост, который должен был спасти ее от позора. Пальцы судорожно сжались, причиняя острую боль, но она ее почти не чувствовала. Ей казалось, что ее мозг плавится, что реальность дала трещину, и из этой трещины наружу лезут чудовища.

Лисса со звонким, почти девичьим смехом отстранилась от Каэля. Она изящно потянулась, словно кошка после долгого сна, и поправила шелк платья, ничуть не смущенная тем, что секунду назад лежала на обеденном столе.

— Дорогой, — пропела мачеха, глядя на Каэля, — мне кажется, ты маловато добавляешь снотворного в чай своей женушке. Иначе что она здесь делает? Посмотри на нее: она же едва стоит на ногах, а все равно притащилась мешать нам завтракать.

— Снотворного?.. — Аэлина пошатнулась, хватаясь рукой за ручку двери. Слова мачехи ударили наотмашь. — Вы… вы травили меня? Каждый вечер? Этот чай…

Она посмотрела на мужа, надеясь увидеть хоть тень раскаяния, но лицо Каэля оставалось непроницаемым, как посмертная маска. Он лишь лениво подцепил еще одну виноградину, рассматривая ее на свету.

В голове Аэлины, туманной от пережитого шока, вдруг вспыхнула страшная, обжигающая догадка. Она вспомнила внезапную болезнь отца, его «тихий уход во сне», который

лекари списали на слабое сердце. Но отец Аэлины – боевой маг, который никогда не жаловался на здоровье.

— Так, может быть… — голос ее опустился до едва слышного шепота, — может быть, и смерть моего отца была вовсе не несчастным случаем?

Смех в гостиной мгновенно оборвался. Тишина стала такой плотной, что казалось, ее можно коснуться рукой. Лисса, собиравшаяся что-то ответить, замерла. Ее лицо в одно мгновение утратило маску веселья. Взгляд стал острым, как бритва.

Мачеха грациозно спрыгнула со стола. Ее движения были четкими, хищными.

— Уходите! — резко бросила она, не оборачиваясь к слугам.

— Нет! — с жаром выкрикнула Аэлина, обретая в этом безумии крупицу ярости. — Стойте! Это я хозяйка в этом доме! Я требую, чтобы свидетели этого разговора остались! Вы слышите?!

Она повернулась к двум прислужницам, ища в их лицах хотя бы искру преданности не ей, но хотя бы покойному отцу, человеку, который кормил их годами. Но женщины даже не вздрогнули. Они молча, слаженно, как заведенные куклы, поклонились Лиссе и вышли из столовой, прикрыв за собой тяжелые дубовые створки.

Аэлина осталась стоять посреди комнаты, чувствуя себя абсолютно беззащитной.

— Хозяйка? — Каэль наконец поднялся. Он медленно двинулся в ее сторону, и в его шагах слышалась неотвратимость беды. — Ты все еще веришь в эту сказку, Лина? Чтобы быть хозяйкой в доме, нужно соответствовать этому статусу. Ты не хозяйка. Ты — досадное недоразумение.

— Вы убили его, — Аэлина не спрашивала, она утверждала, глядя в глаза человеку, которому вверяла свою жизнь. — Вы вдвоем.

От этих слов, от страшной догадки, Аэлине стало плохо, ее руки затряслись, а на глазах появились слезы. Боги, как она могла быть такой слепой…

Лисса подошла к Каэлю и по-хозяйски положила руку ему на плечо, заглядывая Аэлине в лицо с ледяным любопытством.

Аэлина почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Она хотела закричать, броситься на них, вцепиться в эти красивые, лживые лица, но тело ее не слушалось. Ноги стали ватными, а перед глазами снова поплыли черные пятна.

— Ты сходишь с ума, Аэлина, — вкрадчиво произнес Каэль, оказываясь вплотную к ней. — Посмотри на себя. Ты бредишь, обвиняешь нас в ужасных вещах. Завтра все в Академии узнают, что дочь покойного ректора окончательно лишилась рассудка от горя. Это будет так печально…

Он протянул руку, и Аэлина в ужасе отпрянула, но Каэль лишь аккуратно поправил прядь ее волос, обнажая ту самую залысину, которую она так пыталась скрыть.

— Видишь? Ты разваливаешься на части, — прошептал он ей на ухо. — И никто тебе не поверит.

Аэлину затрясло. Сначала мелко, почти незаметно, словно по коже пробежал холодный ветер. Потом сильнее. Дрожь прошла по плечам, спустилась в руки, и пальцы сами собой сжались в кулаки. Она пыталась удержаться, ухватиться за остатки той реальности, в которой все еще можно было объяснить происходящее горем, недоразумением, злой шуткой судьбы.

Еще минуту назад в ее голове билась страшная мысль: «*а вдруг он прав?*» Вдруг она действительно теряет рассудок? Но сейчас… сейчас что-то изменилось.

Она смотрела на Каэля внимательно, впервые за долгие годы. Смотрела не глазами влюбленной жены, не доверчивой девочки, а человеком, которого загнали в угол.

И вдруг увидела.

Холод в его взгляде, спокойствие, и… удовольствие.

Ее дыхание стало рваным, эмоции переполняли, а на языке появилась неприятная горечь.

— Это вы… — голос Аэлины сорвался, но она заставила себя продолжить. — Вы все подстроили.

Каэль на это даже не вздрогнул, зато Лисса чуть склонила голову, будто рассматривая интересную картину.

— Это вы, — уже громче повторила Аэлина, и в голосе ее зазвенела истерическая ярость. — Вы убили моего отца. Вы оба!

На мгновение в комнате повисла тишина, а потом Лисса тихо усмехнулась.

— Милая, — протянула она, лениво растягивая слова, — выбирай выражения.

Она шагнула вперед, и шелк ее платья тихо прошелестел по полу.

— Мои руки чисты, — продолжила мачеха мягко, словно она разговаривала с маленьким ребенком. — Почти.

Аэлина уставилась на нее, не веря собственным ушам, страшная догадка подтвердилась и хрупкий мир девушки окончательно разрушился. Лисса взяла со стола бокал, покрутила его в пальцах, наблюдая, как темная жидкость лениво стекает по стеклу.

— Понимаешь, — произнесла она задумчиво, — после смерти моего дорогого супруга первым делом проверяли бы меня. Это очевидно. Молодая жена, наследство, положение… слишком удобно. — Она пожала плечами. — Поэтому я постаралась быть… непричастной.

Лисса перевела взгляд на Каэля. В ее глазах появилось томное тепло, от которого у Аэлины свело желудок. Мачеха медленно подошла к нему, поднялась на носки и звонко поцеловала его в щеку.

— А вот Каэля, — продолжила она, будто читала лекцию, — никто даже не проверял.

Она мягко провела пальцами по лацкану его камзола.

— Все решили, что это несчастный случай.

У Аэлины вырвался прерывистый звук.

— Нет… — Грудь сжало так сильно, что стало трудно дышать. — Нет… вы лжете…

Но слова звучали жалко даже для нее самой. Воспоминания вспыхнули одно за другим.

Каэль, который был рядом в тот вечер, как и во все остальные.

Каэль, который первым сказал, что ректор, должно быть, перепутал дозировку снотворного…

Аэлину прорвало. Слезы хлынули внезапно, горячие, неконтролируемые.

— Боги… — она всхлипнула, закрывая лицо руками. – Что я наделала…

Ей было больно. За отца. За себя. За годы слепоты.

— Это я… — прошептала она сквозь рыдания. — Я привела тебя в этот дом… — Она подняла на Каэля покрасневшие глаза. — Или… — голос ее сорвался. — Или это она привела тебя?

Аэлина перевела взгляд на Лиссу.

— Как долго? — почти прошептала она. — Как долго вы были вместе?

Лисса слушала спокойно, без тени раздражения, будто ей было уже все равно. Она даже сделала глоток морса, пока Аэлина захлебывалась обвинениями.

— Лжецы… убийцы… — выдавила девушка. — Вы все это время…

— Закончили? — мягко спросила Лисса.

Она допила свой напиток, взяла другой бокал с бордовой жидкостью и медленно направилась к своей падчерице.

— Знаешь, — сказала она почти ласково, — если ты выпьешь этот бокал… твое сердце окончательно остановится.

Аэлина замерла, но затем резко развернулась. Бежать…нужно бежать. Вот только девушка сделала всего шаг, когда Каэль оказался быстрее. Он схватил ее за плечо и дернул назад с такой силой, что у Аэлины перехватило дыхание.

— Отпусти! — закричала она, пытаясь вырваться.

Но его пальцы были железными.

— Тише, Лина, — холодно произнес он.

Она дернулась, пытаясь сжать губы, но Каэль с силой стиснул ее челюсть. Ужасная боль пронзила лицо.

— Не надо… — выдохнула она. – Я никому ничего не скажу, отпустите!

Лисса подошла вплотную и передала бокал Каэлю.

— Заткни ее, — спокойно произнесла она. – Я не хочу марать руки.

И тот без колебаний приблизил бокал к ее лицу и стал вливать терпкую, кисловатую жидкость. Она хлынула ей в рот. Аэлина попыталась отвернуться, но только захлебнулась, когда сильные пальцы удерживали ее голову. Она закашлялась, пытаясь выплюнуть ее, но часть уже скользнула в горло.

— Вот так, — спокойно сказал Каэль, отпуская Аэлину и отстраняясь. – Наша малышка пошла вся отца, настолько

горевала, что заглушала свою боль таблетками, какой ужас…

Бокал со звоном опустился на стол, Аэлина пошатнулась, комната перед ее глазами поплыла, колени подогнулись…и последнее, что она увидела — спокойное лицо Лиссы и холодный взгляд мужа.

Потом глаза Аэлины закрылись.

Глава 1

Сердце не обманывало.

Я почувствовала это еще утром, когда в третий раз набрала номер дочери и снова услышала лишь длинные гудки, оборвавшиеся равнодушным молчанием. Василиса никогда не была особенно внимательной, могла не ответить, могла забыть перезвонить, могла исчезнуть на день-два, увлекшись очередной своей идеей или новым хобби, которое в тот момент казалось ей смыслом жизни. Но на этот раз молчание было другим. Тягучим. Неправильным. Будто за ним стояло не упрямство, не обида и даже не каприз, а что-то темное, тяжелое, не дающее дышать.

А я умела распознавать тревогу.

Я вообще многое умела. Жизнь рано научила меня не ждать помощи, не рассчитывать на чудо и не позволять себе роскошь слабости. Детский дом вынимает из человека лишнее быстро — доверчивость, мягкость, привычку жаловаться. Оставляет только внутренний костяк, на котором потом держится вся жизнь. У меня же этот костяк оказался стальным.

Я родила Василису совсем молодой, когда у самой еще не было ни опоры, ни ясного будущего. Но, возможно, именно появление дочери и стало тем рубежом, после которого я запретила себе проигрывать. Пока другие искали оправдания,

я работала. Пока другие ждали подходящего шанса, я брала любой и превращала его в ступеньку. Я строила карьеру так, как некоторые строят укрепления: быстро, жестко, без права на ошибку.

Со временем появились деньги. Хорошие деньги. Потом связи, статус, уважение. Муж, которому я когда-то помогла подняться, вписался в этот новый, устроенный мною мир легко, будто всегда имел на него право. А потом ушел к любовнице помоложе, понежнее, поудобнее. Я пережила и это. Без истерик, без сцен, без просьб вернуться. Я давно усвоила главное правило: если человек решил уйти, держать его — значит унижать себя.

Единственное, за что я всегда держалась по-настоящему, — это Василиса.

Все, чего у меня самой не было в молодости, я пыталась дать дочери. Не столько роскошь, сколько основу. Надежность. Твердый пол под ногами. Именно поэтому несколько лет назад я купила для Василисы квартиру в новом жилом комплексе. Светлую, просторную, в хорошем районе. Чтобы у дочери всегда был собственный угол. Чтобы ни один мужчина, ни одна ссора, ни одна жизненная буря не могли выбросить ее на улицу с чемоданом в руке. Чтобы она никогда не зависела ни от мужа, ни от любовника, ни от чьей-либо милости.

И вот теперь Василиса хотела эту квартиру продать.

Неделю назад по этому поводу пришло короткое сообще-

ние. Василиса написала честно: деньги нужны для бизнеса ее нового парня. Очень перспективное дело, отличные вложения, шанс на большое будущее. Я перечитала сообщение трижды, потом медленно отложила телефон и почувствовала, как внутри поднимается знакомый, ледяной гнев. Не потому, что мне было жалко квартиры. Не потому, что я не верила в бизнес. А потому, что слишком хорошо знала этот сценарий.

Женщина отдает свое, ради мужчины и его великой идеи. Мужчина обещает любовь, успех, совместное будущее. Потом исчезает либо любовь, либо деньги. Чаще — и то и другое сразу.

Нет, так дело не пойдет. И я отказала сразу.

По документам квартира была оформлена так, что Василиса не имела права продать ее без моего согласия. В свое время я настояла на этом, понимая, что молодость доверчива, а влюбленность способна сделать человека удивительно щедрым за чужой счет. Тогда дочь обиделась, конечно. Сказала, что я ее не уважаю не считаю взрослой, контролирую каждый шаг. Пусть так, я выслушала все молча и не изменила решения. Лучше пережить обиду дочери, чем потом собирать ее жизнь по осколкам.

После отказа Василиса перестала выходить на связь. Сначала на несколько часов. Потом на сутки, и к вечеру второго дня я уже не могла сидеть на месте.

И вот теперь я стояла перед новым, безупречно гладким

фасадом жилого комплекса, который когда-то выбирала почти с материнской дотошностью. Закрытый двор, камеры, охрана, светлые холлы, бесшумные лифты — все должно было говорить о безопасности. Но именно сегодня это место казалось мне чужим и холодным. Слишком тихим. Слишком благополучным снаружи.

Я вошла в подъезд, коротко кивнула консьержке, которая, кажется, хотела что-то спросить, но, встретившись с моим лицом, передумала. Каблуки глухо отстучали по плитке, а палец уверенно нажал кнопку вызова лифта.

Я выбрала девятый этаж, и пока кабина поднималась, смотрела на свое отражение в металлической панели. Собранные волосы, безупречное пальто, усталое, напряженное лицо женщины, привыкшей держать удар. Только глаза выдавали мое состояние — слишком темные и настороженные.

Двери лифта разъехались. Я вышла быстро, почти не замечая ни светлых стен, ни одинаковых дверей, ни запаха дорогого ремонта, смешанного с чьими-то духами и бытовым теплом чужих квартир. Подошла к нужной двери и резко постучала.

Один раз. Второй. Третий. И наконец-то внутри послышались тяжелые шаги. На мгновение у меня перехватило дыхание, но когда щелкнул замок и дверь открылась, на пороге стояла не Василиса.

Передо мной возвышался мужчина, огромный, как шкаф, под два метра ростом, с налитыми мышцами, гладкой брон-

зовой кожей и таким видом, будто он только что сошел с обложки дешевого женского романа, написанного в плохом вкусе. Он был совершенно голый, если не считать полотенца, небрежно обмотанного вокруг бедер. Впрочем, назвать это спасением положения было трудно: полотенце держалось на честном слове и, судя по всему, само уже сомневалось, стоит ли продолжать.

Несколько секунд я просто смотрела на него…не потому, что смутилась, смущение было не в моем характере. Я лишь медленно, очень медленно перевела взгляд с его влажных волос на широкие плечи, потом на голый торс, на полотенце, явно не справлявшееся с возложенной на него моральной ответственностью, и снова подняла глаза к его лицу.

Мужчина тоже смотрел на меня. Без стеснения, но с любопытством. И с тем ленивым спокойствием хозяина положения, которое мгновенно вызвало у меня раздражение.

— Где Василиса? — спросила я таким тоном, словно проводила допрос с пристрастием.

Мужчина окинул меня равнодушным взглядом и чуть усмехнулся.

— А вы, собственно, кто?

И вот в этот момент тревога, с которой я поднялась на девятый этаж, сменила форму. Теперь к ней добавилась ярость.

Я со злостью уперлась ладонью в его грудь и отодвинула в сторону, не дожидаясь ни разрешения, ни приглашения.

— Свалил, — рыкнула я.

Он чуть качнулся назад, скорее от неожиданности, чем от моего усилия, и приподнял брови. Но препятствовать не стал. Я уже протиснулась мимо него в прихожую, сподметила дорогую, слишком небрежно брошенную у стены мужскую обувь, открытую спортивную сумку…

— Василиса! — крикнула я, проходя дальше в квартиру

Ответа не последовало. Я быстро пересекла гостиную. Все здесь было одновременно знакомым и чужим: диван, который я когда-то выбирала вместе с ней, светлые шторы, низкий журнальный столик, чашка с недопитым кофе, на спинке кресла висел женский кардиган. На кухонной стойке стояла открытая упаковка печенья, рядом лежали какие-то документы и зарядка от телефона. В спальню я заглянула резко, почти рывком.

Пусто, в ванной тоже.

— Василиса! — позвала я еще громче, чувствуя, как раздражение уже смешивается с унизительным страхом.

За моей спиной неспешно раздались шаги. Мужчина шел следом, не торопясь, с той самой плотоядной усмешкой на губах, которая действовала мне на нервы едва ли не сильнее его полуголого вида.

— Не думаю, что от громкости что-то изменится, — лениво заметил он. — Хотя голос у вас, надо признать, впечатляющий.

— Где она? – резко обернулась я.

— Кто?

— Ты оглох? Или под дурачка решил скосить?

Он прислонился плечом к дверному косяку спальни и сложил руки на груди. Полотенце, к моей радости, все еще держалось.

— А вы всегда врываетесь в чужие квартиры и командуете, как генерал на учениях? Или это только для особых случаев?

— Я спрашиваю в последний раз, где Василиса?!

— А я, между прочим, все еще не услышал, кто вы такая, — отозвался он, явно получая удовольствие от происходящего.

Я посмотрела на него так, что в прежние годы этого взгляда было достаточно, чтобы замолкали подчиненные, юристы и даже бывший муж в лучшие времена.

— Я ее мать.

Мужчина на мгновение замолчал. Потом выражение его лица изменилось, совсем чуть-чуть. Улыбка не исчезла, но стала менее издевательской.

— А-а. Вот оно что.

Я обвела квартиру быстрым взглядом снова, и на этот раз пришлось признать очевидное: дома действительно никого не было. Ни шороха, ни голоса, ни движения в дальней комнате. Только этот тип, влажный после душа, слишком спокойный для человека, которого только что почти взяли штурмом.

Я медленно вдохнула, сдерживая желание схватить его за

это проклятое полотенце и вытрясти всю правду.

— Скажи немедленно, где Василиса? Что с ней?

Он примирительно поднял руки.

— Ладно. Спокойно. Ваша Василиса ушла в магазин.

— Что? – я облегченно вздохнула.

— В магазин, — повторил он, как для человека, внезапно утратившего способность понимать простые слова. — За продуктами к ужину и еще чем-то, о чем я уже забыл. А я как раз собирался чай пить, пока жду ее.

Я смотрела на него с недоверием.

— И вы решили открыть дверь в таком виде?

Он пожал плечами.

— Я не ждал инспекцию. Думал, это курьер или соседка снизу, которой опять мерещится, что мы громко ходим.

Мне совершенно не понравилось это «мы», но устраивать сцену на пустом месте было ниже моего достоинства. Тем более тревога, приведшая меня сюда, понемногу отпускала, оставляя после себя выжженную усталость.

— Если хотите, можете дождаться ее, — неожиданно спокойно предложил он. — А то, подозреваю, если я скажу вам идти домой, вы меня этим чайником и ударите.

Я сухо усмехнулась.

— Зависит от того, насколько глупо ты продолжишь себя вести.

— Тогда предлагаю перемирие, — сказал он. — Пойдемте на кухню. Я хотя бы оденусь, а вам заварю что-нибудь успо-

каивающее. У вас вид такой, будто вы сейчас либо расплачетесь, либо кого-нибудь уволите.

— Я не плачу.

— Верю.

Он ушел в комнату, а я неохотно последовала на кухню. Через пару минут мужчина вернулся уже в домашних брюках и футболке. Стало немного легче воспринимать его как человека, а не как недоразумение в полотенце. Двигался он по кухне уверенно, как будто уже давно чувствовал себя здесь хозяином. Это тоже не добавляло мне душевного покоя.

Он поставил чайник, достал кружки, травяную смесь в стеклянной банке и принялся возиться с неожиданной ловкостью.

— Что это? — спросила я, наблюдая за ним.

— Напиток. Не яд, если вас это волнует, — ответил он. — Мята, чабрец, немного сушеных ягод. Василиса любит.

Я села за стол, сложив руки перед собой. Хотела сохранить ледяную собранность, но вместо этого чувствовала только усталость. И злость. А еще неприятную пустоту, которая всегда приходит после сильного испуга. Он поставил передо мной чашку. От напитка шел мягкий, успокаивающий аромат.

— Спасибо, — сказала я машинально.

— Не за что. Кстати, я Артем.

Ответить я не успела, дверь в прихожей хлопнула неожи-

данно громко. Через секунду послышались быстрые шаги, шелест пакета, и в кухню вошла Василиса. Увидев меня, она замерла. На ее лице не было ни радости, ни облегчения. Только мгновенное напряжение, а затем досада.

— Ты?

— Я, — спокойно ответила я. — Ты не отвечала на звонки.

Она поставила пакет на стол с резким стуком.

— И поэтому ты приехала сюда?

— А что мне оставалось думать?

— Что я взрослая и имею право не брать трубку, — отрезала Василиса.

— Василиса, я волновалась, — я медленно встала из-за стола, от чего голова немного закружилась.

— Не надо, — резко перебила она. — Не надо делать вид, что это про заботу. Это про контроль. Всегда было про контроль. Ты не доверяешь мне ни в чем. Ни одному моему решению, ни одному человеку рядом со мной, ни одной моей идее.

— Я всего лишь не позволила тебе продать квартиру ради мужчины, которого ты знаешь без году неделю.

— Вот именно! — вспыхнула она. — Ты даже не попыталась меня услышать. Не поддержала. Не поверила. Ты просто снова решила, что лучше знаешь, как мне жить.

Я горько хмыкнула.

— Поверь, я действительно знаю о жизни чуть больше

твоего.

— Вот и прекрасно, — сказала дочь холодно. — Тогда живи своей жизнью. А мою оставь мне. И пожалуйста, уходи. Я не хочу больше поддерживать с тобой общение, раз ты не умеешь ни доверять, ни верить в меня.

На кухне повисла тишина. Артем неловко перевел взгляд с нее на меня, но вмешиваться не стал — и правильно. Тут уже не было места для посредников. Я смотрела на дочь и видела не окончательное решение, а бурю. Обида, злость, уязвленное самолюбие, слепая влюбленность — все это говорило сейчас ее ртом. Спорить было бессмысленно. Каждое мое слово только ухудшило бы положение.

— Хорошо, — произнесла я после паузы. — Я уйду.

Василиса дернула плечом, будто ей было все равно, но я заметила, как дрогнули ее пальцы, а я взяла сумку, медленно надела пальто и вышла, не оглядываясь.

Дорога домой прошла как в тумане. Город за окнами машины расплывался в пятна света, люди на улицах казались тенями, случайными фигурами из чужой, не моей жизни. В груди было тяжело, но я пыталась бодриться и отстраниться от негативных мыслей.

В своей парадной я задержалась у букинистического стеллажа, который организовали соседи. Кто-то из жильцов время от времени выставлял туда книги, чтобы другие могли брать, читать, возвращать или менять. Обычно я проходила мимо, не задерживаясь. Сегодня рука сама потянулась к пер-

вой попавшейся книге, просто для того, чтобы занять голову чем-нибудь, кроме разговора с дочерью.

Дома я заварила себе еще чаю, села в кресло и открыла книгу. Сначала она и правда увлекла. История развивалась быстро, язык был цепким, героиня поначалу живой. Я переворачивала страницы одну за другой, надеясь провалиться в чужую выдуманную беду и хоть ненадолго забыть о своей. Но чем дальше читала, тем сильнее хмурилась.

Героиню унижали все, кому не лень. Родственники, одногруппники, муж, даже случайные знакомые. Она терпела, прощала, надеялась, снова терпела. А в финале муж-абьюзер вообще убил ее, и никакого хэппи-энда, никакой справедливости, никакого света в конце. Только бессмысленная жестокость и темнота.

Я закрыла книгу и уронила ее на колени.

— Прекрасно, — пробормотала я в пустую комнату. – Просто прекрасно. И как такое только в печать пропустили?

Почему-то именно это добило меня окончательно. За окном сгущалась ночь. Квартира была слишком тихой. В висках стучала усталость, а перед глазами все еще стояло лицо Василисы — чужое, замкнутое, отталкивающее меня прочь.

Я облокотилась на спинку кресла, прикрыла глаза всего на минуту… как мне показалось. И незаметно для себя провалилась в сон.

Глава 2

Я проснулась резко, будто кто-то выдернул меня из темной воды на поверхность. Сначала был шум, торопливый, беспорядочный, как если бы по комнате кто-то бегал босыми ногами. Потом хлопнула дверь. Звук был таким отчетливым, что я моментально открыла глаза и рывком села. Несколько секунд я просто не понимала, что происходит.

Сердце колотилось так, будто я только что спасалась бегством. Я помнила совершенно ясно, как заснула в кресле у себя дома. Помнила чашку с остывшим чаем на столике, книгу на коленях, мягкий полумрак комнаты, тяжелую усталость. Но сейчас я сидела не в кресле. Я сидела на кровати. И не в своей квартире.

— Какого… — вырвалось у меня вслух.

Голос тоже показался мне каким-то не таким. Чище, выше, моложе. От чего я моментально замерла.

За соседней дверью послышался плеск воды, как будто кто-то умывался или принимал душ. Этот обычный бытовой звук почему-то прозвучал жутко. Он был слишком реальным, слишком уверенным, как будто все происходящее не имело никакого отношения ни ко сну, ни к бреду, и я резко огляделась по сторонам.

Комната была маленькой, но уютной, а самое главное – чужой. Светлые стены, несколько плакатов, полки с безде-

лушками, письменный стол у окна, стул, брошенная на него кофта. В другом углу стояла вторая кровать, узкая, с неуклюже заправленным одеялом, будто ее владелица торопилась и никогда не славилась аккуратностью. Я опустила взгляд на себя и похолодела еще сильнее. На мне была какая-то нелепая, мягкая, подростковая пижама с мишками.

И это тело…

Я сжала пальцы на ткани и вдруг с пугающей ясностью поняла, что что-то не так. Руки были тоньше. Запястья уже. Ноги, которые я спустила с кровати, казались короче. Даже центр тяжести ощущался иначе. Я словно стала меньше, легче, хрупче.

— Нет-нет-нет… — выдохнула я в панике и вскочила так резко, что у меня закружилась голова.

Шум воды все еще доносился из-за неприметной двери в стене, но сейчас я была не в состоянии думать о том, кто там находится. Мой взгляд наткнулся на шкаф с большим зеркалом, и я почти бросилась к нему.

Я должна была увидеть себя. Должна была убедиться, что это какой-то кошмар, нелепая игра света, последствия сна в неудобной позе, да что угодно, но стоило мне остановиться перед зеркалом, как из горла вырвался испуганный крик. На меня смотрела незнакомка.

Молодая длинноволосая брюнетка с яркими серыми глазами. Очень красивая, той почти безупречной, хрупкой красотой, которая сразу бросается в глаза. Тонкие черты лица,

гладкая светлая кожа, длинные темные волосы, рассыпавшиеся по плечам, и только испуг, распахнувший глаза так широко, что лицо казалось почти детским, портил всю внешность.

Но это была не я. Не я!

Не Алина, которой только-только стал подходить четвертый десяток. Не женщина с привычными чертами, которые я столько лет видела по утрам в зеркале. Не мои волосы, не мой нос, не мои губы, не мое тело.

Я отшатнулась, чуть не врезавшись спиной в кровать, и судорожно принялась ощупывать себя, щеки, шею, руки, плечи, ребра, словно могла на ощупь доказать себе, что это ошибка. Но пальцы встречали только чужую реальность, чужую внешность и чужую худобу.

Дышать от этого стало тяжело, комната поплыла перед глазами.

— Что происходит… — прошептала я. – Что, черт возьми, происходит?

В этот момент дверь, за которой шумела вода, открылась. Я тут же сложила руки за спину, вздрогнула и обернулась, будто боялась, что меня поймают на чем-то незаконном или противоестественном.

На пороге стояла миниатюрная рыжая девушка в похожей милой пижаме, только у нее на штанах, кажется, были зайцы или лисы, я не успела рассмотреть. В руке она держала полотенце, которым вытирала мокрые ладони. Волосы у нее были

собраны кое-как, несколько прядей прилипли к вискам. Вид у нее был сонный, но при взгляде на меня он моментально сменился искренним удивлением.

— Аэлина, — спросила она, нахмурившись, — что ты делаешь?

Я тут же застыла, пытаясь вернуть контроль над своими эмоциями. Аэлина? Это слово ударило меня сильнее, чем собственное отражение. Она обращалась ко мне. И, что самое удивительное, это имя мне было знакомо. Именно так звали героиню книги, которую я взахлеб прочитала накануне вечером.

Несколько секунд я просто смотрела на нее, не в силах ответить. Потом перевела взгляд обратно в зеркало, снова на ту брюнетку, которой не могла быть, и почувствовала, как по спине ползет ледяной ужас. Это не сон. Или, если это сон, то слишком подробный, слишком связный, слишком настоящий.

Рыжая девушка тем временем сделала шаг в комнату и уставилась на меня уже с явным беспокойством.

— Эй… ты чего? — осторожно спросила она. — Ты меня пугаешь. Тебе плохо?

Я открыла рот, но голос предательски сорвался.

— Я…

И замолчала, потому что понятия не имела, что сказать. Что я не Аэлина? Что минуту назад проснулась в чужом теле? Что еще вечером сидела в своей квартире, пила чай и

ругалась на бездарную книгу?

Все это звучало бы как бред даже для меня самой. Я сглотнула, пытаясь собрать рассыпавшиеся мысли, но в голове был один сплошной белый шум.

Рыжая девушка нахмурилась сильнее, шагнула еще ближе и посмотрела на меня так, будто пыталась понять, шучу я или сейчас грохнусь в обморок.

— Аэлина, серьезно, что с тобой? Это все из-за Каэля, верно?

Как только девушка произнесла имя Каэля, внутри у меня будто что-то щелкнуло. Сомнений не осталось.

Каэль.

Именно так звали мужа главной героини той самой книги. Мужа, если это вообще слово можно было применять к существу, которое методично, с холодной расчетливостью уничтожало женщину рядом с собой. Сначала он издевался тонко, намеками, насмешками, ловкими уколами в самые больные места. Потом изолировал ее от всех, кто мог бы поддержать: поссорил с отцом, отвернул друзей, убедил, что никто, кроме него, ее не понимает, не любит и не терпит. А когда вокруг Аэлины никого не осталось, он начал делать с ней все, что хотел. Ломал ее уверенность, растаптывал самооценку, превращал живого человека в тревожную, зависимую тень. А в конце и вовсе убил.

Буквально.

Я сама вчера захлопнула эту книжку с раздражением

именно на этом месте. И вот теперь стояла босиком в чужой комнате, в идиотской пижаме с мишками, и на меня из зеркала смотрело лицо этой самой Аэлины.

Нет, это уже не могло быть совпадением. Память судорожно подбросила еще один факт: с соседкой по комнате Аэлина в начале книги тоже поссорилась. Кажется, довольно быстро. Потом прекратила общение, а чуть позже и вовсе переехала в отдельную комнату, благо ее отец был ректором и мог решить такой вопрос без труда. После этого рыжая соседка исчезла из сюжета почти полностью, и я, конечно же, не запомнила ее имени.

Прекрасно.

То есть я не просто попала в книгу. Я попала в книгу в самом начале, когда еще можно было все испортить… или, наоборот, не довести до катастрофы.

Если, конечно, это вообще имеет значение.

А если не имеет? А если это просто сон? Болезненно реалистичный, пугающе связный, но все-таки сон?

Эта мысль неожиданно подействовала на меня почти как лекарство. Если это сон, паниковать бессмысленно. Рано или поздно я проснусь. Вернусь к себе, в свою квартиру, в свое нормальное, взрослое тело. А там уже буду решать проблемы действительно насущные: как помириться с дочерью, как выгнать из ее квартиры этого полуголого альфонса и как не сорваться окончательно.

На этом фоне книжный кошмар даже приобрел странную,

почти экскурсионную окраску.

Я медленно вдохнула и заставила себя выпрямиться.

— Все в порядке, — сказала я как можно ровнее, хотя сердце еще колотилось. — Просто… странно себя почувствовала после сна.

Рыжая все еще смотрела на меня с подозрением и тревогой.

— Ты уверена? — спросила она. — Ты стояла перед зеркалом так, будто увидела там призрака.

Если бы она знала, насколько была близка к правде.

— Наверное, не выспалась, — пробормотала я, пожав плечами.

Она поджала губы и повертела в руках полотенце.

— Это все из-за Каэля, да? – повторила она, и в ее глазах я заметила грусть.

Из-за шока я ответила не сразу, и мое молчание, похоже, она сочла подтверждением.

— Аэлина, — уже мягче сказала она, — я серьезно переживаю за тебя. Мне не нравится этот парень. Совсем. Он какой-то… скользкий. И я правда хочу, чтобы ты к нему присмотрелась, прежде чем погружалась в серьезные отношения.

Скользкий. Да уж, неплохое определение для человека, который в книге развалил героине жизнь с точностью профессионального хирурга.

Я покосилась на соседку, внимательно ее рассматривая.

Веснушки на носу, встрепанные рыжие волосы, честный, немного сердитый взгляд. По сюжету Аэлина с ней тоже успела поссориться, а ведь, судя по всему, эта девочка искренне пыталась ее предупредить.

Мне стало неловко, хотя виновата пока была не я, а литературный первоисточник.

— Спасибо, — осторожно сказала я. — Я… подумаю над этим.

Рыжая удивленно вскинула брови, кажется, такого ответа она не ожидала. Обычно Аэлина сразу начинала артачиться и спорить.

— Правда?

— Правда.

Она еще несколько секунд вглядывалась в мое лицо, будто искала подвох, а потом чуть расслабилась.

— Ну и хорошо. Потому что, как только ты связалась с Каэлем, ты ведешь себя так, будто тебя кто-то подменил.

Я нервно кашлянула. Имя ее я все равно не помнила. В книге после ссоры она исчезла так стремительно, что автор даже не удосужился оставить читателю хоть какую-то эмоциональную зацепку. Но сейчас, раз уж мне предстояло плыть по течению этого странного сна, стоило хотя бы вести себя адекватно.

— Нам ведь на занятия? — спросила я, чтобы перевести тему.

— Вообще-то сначала завтрак, — сказала она, уже окон-

чательно приходя в себя. — И если ты еще пять минут простоишь столбом, мы опоздаем.

Это прозвучало почти по-дружески. Я кивнула, повернулась к шкафу и начала механически искать одежду, попутно пытаясь не смотреть лишний раз в зеркало. Новое тело ощущалось все еще чужим, движения были непривычными, но паника понемногу отступала. В конце концов, если это и сон, то удивительно продуманный. Почему бы не досмотреть?

Я быстро умылась и оделась в форму, стараясь копировать движения соседки и не выдать себя лишней растерянностью. Та все еще поглядывала на меня искоса, но с расспросами временно отстала.

Коридоры общежития, лестница, прохладный утренний воздух, двор академии — все было слишком настоящим. Никакой мутности сна, никакой расплывчатости. Напротив, мир казался даже ярче обычного: влажный камень под ногами, звон посуды из столовой, запах свежей выпечки, голоса, как здесь называли молодежь, адептов.

Мы взяли подносы и прошли вдоль раздачи. Я была слишком занята мыслями, но старалась держаться естественно. Рыжая болтала о чем-то бытовом, про пару, про задания, про какого-то преподавателя с дурным характером, а я только кивала, надеясь, что это сойдет за задумчивость.

Мы уже сели за свободный столик, как рядом возник парень.

Высокий, красивый, безупречно одетый и с таким выра-

жением лица, будто весь окружающий мир существовал исключительно для того, чтобы слегка его раздражать. Одного взгляда на него хватило, чтобы по спине пробежал неприятный холодок.

Каэль. Вот уж кого я точно узнала без всяких пояснений.

Он остановился рядом с нашим столом, перевел высокомерный взгляд на мою рыжую соседку и с ленивой, почти вежливой жестокостью произнес:

— Вайлет, не хочешь позавтракать в одиночестве? Позволь своей… подруге заняться личной жизнью. Почему ты постоянно мешаешь?

Вайлет. Ну конечно. Вот как ее звали.

Вайлет вспыхнула так быстро, что веснушки на ее носу от гнева проступили ярче.

— Я не мешаю, — буркнула она, сжимая поднос. — В отличие от некоторых.

Каэль лишь едва заметно усмехнулся. Даже не ей, скорее самому себе. Он вел себя так, словно заранее знал, что победил.

Под недовольное сопение, Вайлет все же подняла свой поднос и пересела за другой столик. Перед тем как уйти, она бросила на меня быстрый взгляд, раздраженный, но больше обеспокоенный, чем злой.

Я проводила ее глазами и почувствовала укол вины. Однако спорить с Каэлем не стала, во-первых, хотела посмотреть, чего он от меня хочет и на своей шкуре почувствовать,

каково это, общаться с таким хитрым и умным стратегом, а во-вторых, привлекать излишнее внимание к своей персоне не хотелось. Пусть это и сон, но Аэлина, есть Аэлина. Она вела себя по-другому.

Каэль тем временем сел рядом. Не напротив, а именно рядом, слишком близко, слишком уверенно, словно место возле меня принадлежало ему по праву.

— Дорогая, — мягко сказал он, наклоняясь чуть ближе, — я же говорил тебе, держись от нее подальше. Неужели ты не видишь, как она тебе завидует?

Глава 3

Я заставила себя не морщиться. Это оказалось неожиданно сложно, интонация Каэля была мягкой, почти заботливой, но в этих словах чувствовалась липкая, хорошо отработанная ловушка. В книге Аэлина в таких местах обычно смущалась, начинала оправдываться, а потом постепенно соглашалась с ним. И именно так он и затягивал ее все глубже. Поэтому я глубоко вдохнула, придала лицу максимально невинное выражение и даже чуть наклонила голову, будто смущаясь.

— Ты правда так думаешь, дорогой? — спросила я тоненьким, почти доверчивым голоском.

Эффект был мгновенный. Каэль заметно расслабился. Его плечи чуть опустились, а уголки губ поднялись в удовлетворенной улыбке. Взгляд стал мягче, так смотрят на человека, который только что послушно сделал нужный шаг.

Попалась, решил он.

— Конечно, — почти ласково произнес он. — Я ведь наблюдаю за людьми, и вижу твою соседку насквозь. Она постоянно смотрит на тебя с каким-то… странным выражением. Такие люди не радуются чужому счастью. Они его ненавидят. Не удивлюсь, если вечерами она тебе пытается внушить, что против наших отношений, что я плохой и недостоин тебя. – Каэль наклонился чуть ниже. — Я просто хочу защитить тебя, Аэлина.

Я сделала вид, что задумалась. Даже губу слегка закусила.

— Странно… — тихо сказала я.

— Что именно? — сразу насторожился он.

Я подняла на него глаза.

— Просто сегодня утром Вайлет говорила совсем другое.

— Другое? — Каэль едва заметно нахмурился.

— Угу. — Я пожала плечами, стараясь выглядеть немного смущенной. — Она как раз говорила, что… восхищается тобой.

— Мной? – Каэль на мгновение опешил, не в силах поверить в сказанное.

— И нашими отношениями, — добавила я так, будто сама этому удивлялась. — Сказала, что полностью нас поддерживает.

Каэль буквально осунулся. На секунду его лицо стало совершенно другим, напряженным, растерянным. Он выпрямился и медленно повернул голову.

Через несколько столов от нас сидела Вайлет. Она смотрела на нас так, будто хотела прожечь взглядом. И с таким остервенением втыкала вилку в яичницу, что создавалось ощущение, будто в тарелке лежало лицо самого Каэля.

Парень некоторое время молча наблюдал за этой картиной.

— Она… правда так сказала? — недоверчиво спросил он.

— Конечно, — спокойно кивнула я, не забыв при этом похлопать глазками, и после короткой паузы добавила. — Но

ты прав. С ней все равно нужно быть поаккуратнее.

Каэль снова посмотрел на Вайлет, та в этот момент с силой разрезала тост ножом.

— Возможно… я ошибался, — пробормотал он себе под нос, потом повернулся обратно ко мне, и снова улыбнулся, но теперь улыбка была другой, осторожной, расчетливой. — Слушай, не торопись, — сказал он. — Если Вайлет действительно восхищается нашей парой… значит, еще не все потеряно.

Я послушно кивнула, а внутри едва не расхохоталась. Наживку он проглотил. Причем целиком.

— Кстати, — продолжил Каэль уже почти беззаботно, — я хотел предложить тебе встретиться вечером. Мы давно не проводили время вдвоем. Я… соскучился.

— Хорошо, — я лениво махнула рукой.

Если это и правда сон, долго я здесь все равно задерживаться не собиралась. А если нет… тем более интересно посмотреть, как будет изворачиваться этот стратег, когда малышка Аэлина перестанет реагировать на его уловки.

— Тогда договорились, — довольно сказал он.

Позавтракав, он вскоре поднялся и ушел. Я только проводила его взглядом и спокойно допила чай. Через минуту рядом с моим столом осторожно появилась Вайлет. Она поставила поднос и села напротив, внимательно вглядываясь в мое лицо.

— И? — тихо спросила она. — Чего он хотел?

— Ничего особенного. Просто пригласил на свидание, — пожала плечами я.

Вайлет скривилась, но ничего не сказала. Я же в это время с любопытством оглядывала столовую. Мир вокруг был пугающе настоящим. Шум голосов, запахи еды, свет из высоких окон.

Чем дольше я здесь находилась, тем меньше все это напоминало сон.

Когда мы закончили завтрак, я направилась к стойке информации у входа. Там висела большая доска с объявлениями: расписание, какие-то кружки, набор в магические практики, объявления о соревнованиях между факультетами. Я даже остановилась, вчитываясь.

— Интересно…

Но Вайлет вдруг резко дернула меня за руку.

— Аэлина!

— Что?

— Мы опаздываем.

— Куда?

Она посмотрела на меня так, будто я только что призналась, что не знаю собственного имени.

— На первую пару. К магистру Тэлфрокс.

— И-и? – неуверенно протянула я, фамилия была знакомой.

Вайлет нервно вздохнула.

— И опаздывать к Лиссе — очень плохая идея. Особенно

тебе.

Она выразительно прищурилась, и я вспомнила! Тэлфрокс – девичья фамилия моей мачехи, но в данный момент сюжета их отношения с отцом Аэлины только зарождались, однако героине с самого начала это не нравилось.

— Учитывая ваши… прекрасные отношения, — подтверждая мои догадки, добавила Вайлет.

У меня вдруг появилось странное, почти азартное предвкушение. Если это действительно та самая Лисса, то встреча обещала быть куда интереснее, чем любое свидание с Каэлем.

Я шла рядом с Вайлет уже куда бодрее, чем несколько минут назад, и почти не обращала внимания на окружающий шум. Мысли крутились вокруг одного и того же.

Лисса… Женщина, которая в книге умудрилась провернуть невозможное. Сначала мягко и почти незаметно завоевать доверие отца Аэлины, затем стать его женой. А потом… каким-то образом оказаться рядом с Каэлем. И не просто рядом. Она увела его. У собственной падчерицы. Я чуть прищурилась, вспоминая последние главы книги. Там не было ни истерик, ни громких сцен, ни открытых конфликтов. Все происходило тихо, почти незаметно. Словно Каэль сам шаг за шагом уходил к ней, не до конца понимая, как именно это произошло. Или же, я чего-то не знала? Пропустила мимоходом что-то важное? Сейчас это цепляло меня больше всего, а в голове то и дело крутились вопросы.

Любила ли она его? Или просто использовала? Потому что обмануть такого манипулятора, как Каэль… это не просто сложно. Это почти искусство. И, черт возьми, мне хотелось посмотреть на мастера.

Когда мы вошли в кабинет зельеварения, преподавательницы еще не было, но адепты уже постепенно занимали места. Я остановилась на пороге, невольно оглядываясь. Кабинет оказался куда просторнее, чем я ожидала. Высокие окна пропускали много света, который отражался от стеклянных сосудов и металлических поверхностей, создавая ощущение почти лабораторной чистоты. Вдоль стен тянулись полки с аккуратно расставленными банками, порошки, травы, жидкости всех возможных оттенков. Некоторые из них едва заметно светились.

В центре комнаты стояли отдельные рабочие столы. Не длинные парты, как я привыкла, а именно отдельные столики, и у каждого адепта свой. На них уже были разложены базовые инструменты: стеклянные колбы, ножи для нарезки ингредиентов, ложки с длинными ручками.

— Быстрее, — шепнула Вайлет, утягивая меня за собой.

Мы заняли два соседних стола. Она села, но тут же бросила на меня быстрый, настороженный взгляд, будто ожидала, что я сейчас вскочу, переверну свой стол или устрою скандал. Я лишь спокойно уселась и сложила перед собой руки. Интересно, насколько плохой была оригинальная Аэлина, если даже молчание теперь вызывает подозрения?

В этот момент прозвучал короткий, четкий сигнал, и почти сразу дверь распахнулась. В кабинет вошла Лисса. Первое, что бросалось в глаза — ее уверенность. Не показная, не выученная, а естественная, как дыхание. Она двигалась легко, свободно, будто полностью владела пространством вокруг себя. Блондинка. Стройная, среднего роста, с мягкими, но четкими чертами лица. И глаза… глаза у нее как будто светились изнутри. Не буквально, конечно. Но в них была такая живая, теплая энергия, такая искренняя вовлеченность в происходящее, что в голове невольно возникала абсурдная мысль: этого человека хочется слушать. Этому человеку хочется верить.

Я поймала себя на том, что понимаю, почему никто в книге до последнего не заподозрил в ней ничего дурного. Даже я, зная сюжет, не могла до конца совместить в голове эту женщину — и ту, что хладнокровно разрушала чужие жизни.

Если бы мне сейчас сказали, что она злодейка, я бы, скорее, покрутила пальцем у виска. И… возможно, еще и заступилась за нее.

— Доброе утро, адепты, — сказала Лисса.

Голос у нее оказался таким же, как и внешность, теплым, уверенным, с легкой, почти незаметной улыбкой.

— Доброе утро, магистр Тэлфрокс, — ответили вразнобой.

Причем с таким уважением, что оно почти граничило с благоговением, одна я промолчала, но только из-за того, что

растерялась. Однако, краем глаза я заметила, как Вайлет снова посмотрела на меня. Настороженно. Очень настороженно.

— Сегодня у нас практика, — продолжила Лисса, проходя между столами. — Никакой теории. Только работа руками и внимательность.

Она остановилась у кафедры и легко взмахнула рукой, и в тот же момент перед каждым из нас появился небольшой котел. Металл тихо звякнул о поверхность стола, а я от неожиданности подпрыгнула на месте.

— Зелье против стресса, — спокойно сказала она. — Простое на первый взгляд, но крайне капризное в исполнении. Малейшая ошибка, и вместо успокаивающего эффекта вы получите… весьма бодрящий результат.

В классе послышались тихие смешки, а я же смотрела на котел. И в этот момент внутри у меня что-то неприятно кольнуло. Память резко подбросила нужный фрагмент. Именно на этом занятии в книге Аэлина сделала ошибку. Вернее, не совсем ошибку, она организовала представление специально. Перепутала последовательность добавления ингредиентов. По сюжету это было подано как нервный срыв, но теперь я уже не была уверена.

В любом случае, результат был один. Кипящий состав выплеснулся из котелка, и…я перевела взгляд на Лиссу. Да все содержимое котелка, а именно, горячая зеленоватая жидкость оказалась на преподавательнице, которая, в этот мо-

мент, проходила мимо Аэлины. Отношения между ними после этого окончательно испортились, да и отец стал относиться к дочери настороженнее.

Я медленно выдохнула. Ну уж нет. На этот раз — без этого. Сюжет я знаю, но кто мне мешает изменить его хотя бы во сне?

Я осторожно взяла ложку, стараясь не делать резких движений и вгляделась в рецепт, который был написан на преподавательской доске. Лисса в этот момент спокойно объясняла порядок действий, и в ее голосе не было ни капли раздражения или высокомерия.

И это делало ситуацию только интереснее. Похоже, сегодня сюжет книги начнет трещать по швам. И мне это определенно нравилось.

Я вчиталась в доску так, будто от этого зависела моя жизнь. Впрочем… возможно, так и было. Строки рецепта оказались удивительно четкими. Последовательность, температура, даже оттенки на каждом этапе — все расписано до мелочей. Никакой двусмысленности. Я невольно хмыкнула про себя. Если Аэлина и правда «ошиблась» здесь в книге, то это была не ошибка, а преднамеренный дебош.

На Земле я любила готовить. Не просто по рецепту, я чувствовала процессы. Когда убавить огонь, когда добавить щепотку соли, когда подождать лишние тридцать секунд. И сейчас ощущение было почти тем же, только вместо сковороды — котел, а вместо специй — какие-то странные светящиеся

травы.

Я начала аккуратно, не торопясь. Сначала основа — прозрачная жидкость. Затем порошок, ровно одна ложка, без горки. Перемешать по часовой стрелке. Медленно. Без рывков.

Я ловила ритм, добавила следующий ингредиент — тонко нарезанные листья. Они едва заметно растворялись, оставляя за собой легкий дымок. Никакой спешки. Никакой импровизации. Все строго по рецепту.

Рядом кто-то тихо ругнулся, у него смесь пошла комками. Чуть дальше раздалось шипение. Но я даже не повернула головы. Сейчас я обращала внимание только на котел.

Жидкость постепенно светлела. Сначала мутно-серая, потом почти прозрачная… и наконец стала совершенно бесцветной. Я наклонилась чуть ближе, чтобы проверить нет ли запаха и едва заметно улыбнулась. Его не было, вообще. Идеально.

К концу занятия в аудитории стало заметно напряженнее. Кто-то пытался исправить ошибки, кто-то уже обреченно смотрел в свой котел. Лисса же медленно шла между столами и проверяла работы. Она не спешила, останавливалась, смотрела, делала замечания. Где-то мягко, где-то холодно.

— Слишком высокая температура… вы перепутали порядок… неплохо, но можно лучше.

Иногда она кивала с одобрением, и ученик буквально расцветал. Я наблюдала за этим краем глаза и была уверена в

том, что у меня все правильно. Без «почти». Без «но».

Когда она приблизилась ко мне, я уже внутренне приготовилась услышать спокойное: «Хорошо».

— Так, посмотрим, что вы здесь сделали, — произнесла Лисса с какой-то ухмылкой.

Она наклонилась к котелку слишком низко, и я замерла. В этот момент… что-то произошло. Движение было настолько быстрым, что я бы и не заметила, если бы не смотрела прямо в котел. Ее рука вытянулась и сделала легкое, почти неуловимое движение пальцев, после чего что-то падает внутрь.

Прошло всего мгновение, жидкость дернулась, а потом резко потемнела, забурлила.

— Что за… — выдохнула я, не веря глазам.

Болотный оттенок расползся по поверхности, пузыри начали лопаться один за другим, и…

ХЛОП!

Содержимое котла буквально взорвалось, выплеснувшись вверх, прямо в лицо Лиссе. На секунду в аудитории повисла тишина, а затем появились смешки. Кто-то прыснул, кто-то откровенно засмеялся, одна я сидела, не двигаясь.

Это… не я. Я ничего не делала. Вообще ничего.

— Аэлина… — тихо, разочарованно вздохнула Вайлет.

— Это не…, — я медленно повернула к ней голову, чтобы оправдаться, но не успела.

— Достаточно, — произнесла Лисса холодным голосом, и я снова посмотрела на нее.

Зеленоватая жижа медленно стекала по ее щеке, по подбородку, капала на пол, но вот выражение лица… не было ни растерянности, ни злости. Только жесткий контроль.

— Вы решили таким образом меня унизить, адептка Вейр? — спокойно, почти тихо спросила она.

— Я ничего не делала, — ровно ответила я.

Она прищурилась.

— Вы хотите сказать, что это произошло само?

— Я хочу сказать, что вы сами что-то бросили в котел, — так же спокойно сказала я.

В аудитории снова стало тихо. Очень. Вайлет рядом едва заметно дернулась, а Лисса медленно выпрямилась, будто готовилась к финальному прыжку.

— Осторожнее с обвинениями, адептка Вейр, — ее голос стал мягче, но от этого только опаснее. – Вы вряд ли понимаете, о чем говорите, я всего лишь хотела попробовать запах вашего…эксперимента.

— Я прекрасно понимаю, что видела, — ответила я.

Несколько человек переглянулись. Кто-то явно наслаждался происходящим, кто-то, наоборот, выглядел напряженным. Лисса смотрела на меня еще пару секунд с каким-то превосходством и удовлетворением, а потом резко шагнула ближе и схватила меня за запястье. Крепко, но не больно, в любом случае, вырваться я бы не смогла.

— Пойдем, — коротко сказала она.

— Куда?

— К ректору.

Я даже не успела возразить, как она уже развернулась и потянула меня за собой к выходу. Я бросила быстрый взгляд на Вайлет, та смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Вот только в этом взгляде подруги я увидела не сомнение, а сплошное осуждение.

Коридор встретил нас тишиной. Я шла рядом с Лиссой, чувствуя, как внутри медленно поднимается холодное, ясное понимание. Она сделала это специально. Но… зачем? Я слегка прищурилась, глядя на ее профиль. И если это игра, то правила здесь куда сложнее, чем я думала.

Интересно… она проверяет меня или уже пытается избавиться?

Глава 4

Кабинет ректора оказался совсем не таким, как я ожидала.

Никакой мрачной помпезности, никаких давящих темных тонов. Пространство было светлым, но строгим. Высокие окна пропускали холодный дневной свет, который ложился ровными полосами на темное дерево пола. Стены были заставлены книжными шкафами, не декоративными, а рабочими, с потрепанными корешками и аккуратными пометками на полях. В центре стоял массивный стол, заваленный документами, перьями и какими-то артефактами, назначение которых я даже не пыталась угадать. Все здесь говорило о человеке, который не просто занимает должность, а живет своей работой.

Когда мы вошли, ректор Арден Вейр сидел за столом и что-то быстро писал, не поднимая головы.

— Магистр Вейр, — тихо произнесла Лисса.

Перо замерло.

Отец поднял взгляд. На вид ему было около сорока пяти, но это были те сорок пять, которые не старят, а, наоборот, добавляют вес. Высокий, статный, с широкими плечами и правильными, почти резкими чертами лица. В его внешности было что-то собранное, властное — человек, с которым не спорят без причины.

Когда он увидел Лиссу, его лицо мгновенно смягчилось.

— Лисса – мягко, почти нежно произнес он.

Отец уже начал подниматься, и на губах появилась теплая, личная улыбка, но она исчезла так же быстро, как появилась. Арден прищурился, его взгляд скользнул по возлюбленной, и в глаза тут же бросилась зеленая жижа, которая стекала по лицу и волосам преподавательницы, капая на безупречную одежду, и только потом – на меня и на руку Лиссы, крепко сжимающую мое запястье.

Улыбка исчезла полностью, и он резко встал.

— Что произошло?

В несколько шагов он оказался рядом с нами, осторожно коснулся плеча Лиссы, словно боялся сделать хуже.

— Ты в порядке? Ты ранена?

И вот тут Лисса изменилась, я видела это своими глазами, как будто кто-то щелкнул переключателем. Ее плечи чуть дрогнули, губы задрожали, взгляд стал влажным.

— Арден… — тихо выдохнула она.

И в этом одном слове было столько усталости, что на секунду даже мне стало не по себе.

— Я… я больше не могу, — продолжила она, опуская взгляд. — Правда не могу…

— О чем ты? – Арден Вейр нахмурился сильнее.

Лисса покачала головой, будто собиралась с силами.

— Я так долго молчала, — ее голос стал тише, как будто надломленным. — Потому что не хотела, чтобы вы ссорились. Не хотела вставать между вами. Я понимала, что ей

тяжело… что ей нужно время… что она не обязана принимать меня…

Актриса судорожно вдохнула.

— Я старалась, Арден. Правда старалась. Быть рядом. Поддерживать. Хотя бы… хотя бы не врагом быть.

Моя рука в ее хватке чуть сильнее сжалась.

— Но она… — Лисса на секунду закрыла глаза, и по щеке скатилась слеза, оставляя светлую дорожку в зеленой жиже. — Она изводит меня. День за днем, лекция за лекцией. Это могут подтвердить другие адепты. Каждое занятие, каждое слово… я будто постоянно жду нового удара.

Я смотрела на нее, не моргая. Это было… идеально. Ни одной лишней ноты.

— Сегодня я снова попыталась просто провести урок, — продолжала она. — Ничего больше. Но она… она специально испортила зелье.

Лисса слабо усмехнулась, но в этом звуке была только горечь.

— Я даже не сразу поняла. Наклонилась проверить… и вот.

Она чуть повернула голову, будто только сейчас осознав, в каком виде стоит.

— Прости… я, наверное, выгляжу ужасно…я так была расстроена, что забыла привести себя в порядок.

Лисса поняла, что демонстрация удалась. Она прошептала коротенькое заклинание, и ее облик изменился: зеленая

жижа исчезла, костюм был в идеальном порядке, а волосы сохранили укладку.

Арден сжал челюсть. С каждым ее словом его лицо становилось все жестче, взгляд потемнел, и он медленно перевел его на меня.

И в этом взгляде уже не было ни тепла, ни сомнения. Только гнев.

Я выдержала его спокойно.

— Это не…, — попыталась оправдаться я, но меня перебили.

— Достаточно, — резко оборвал он.

Отец книжной героини глубоко, прерывисто вдохнул, будто сдерживая себя. Его губы сжались в тонкую линию.

— Я… — начал он, но на секунду замолчал, подбирая слова. — Я разочарован, Аэлина. И был о тебе лучшего мнения.

Сказал он это просто, без крика, и от этого стало только тяжелее.

— Я знал, что тебе сложно принять изменения в семье, — продолжил он уже грубее. — Знал, что ты можешь вести себя… не лучшим образом. Но чтобы ты скатилась до такого?

Его взгляд, полный ненависти прожигал меня, и в моменте я поняла, что оправдываться бесполезно. Мне все равно не поверят.

— Устроить подобное на занятии, — продолжил он. — Унизить преподавателя. Человека, который, в отличие от тебя, действительно старается наладить с тобой отноше-

ния…Это низко, Аэлина.

Каждое его слово било точно в цель.

— Я ожидал от тебя большего.

Я медленно выдохнула. Интересно. Очень интересно. Я перевела взгляд с него на Лиссу. Та стояла чуть в стороне, опустив глаза, будто ей самой неловко от происходящего. Идеальная жертва, которая сыграла идеальную роль. Я слегка прищурилась. Теперь вопрос только в одном. Насколько далеко она готова зайти? И… насколько далеко готова зайти я, чтобы не дать ей выиграть?

Пока они говорили, я молчала и внимательно наблюдала, и довольно быстро поняла три вещи. Первое, как бы я ни старалась, сюжетные рельсы просто так не сломать. Слишком уж точно все складывается. Словно меня мягко, но настойчиво подталкивают к нужным точкам. Второе, Лисса играет не в «наладить отношения». Она методично, аккуратно и очень красиво рушит мою связь с отцом. И третье, если я хочу выбраться из этого, мне нельзя действовать в лоб.

Я перевела взгляд на Лиссу. На это ее почти безупречно выверенное выражение — смесь усталости, боли и благородного терпения. И вдруг меня осенило. А что, если в книге все было не так просто? Там повествование шло от третьего лица. Аэлина выглядела замкнутой, холодной, резкой. Она действительно могла «испортить» зелье. Смеялась. Вела себя… вызывающе и неприятно.

Но что, если тогда ее тоже подставили? А она просто не

смогла себя защитить. Мысль неприятно зацепилась в моем сознании. Я снова посмотрела на Лиссу, и вдруг совершенно ясно поняла, чего она ждет. Скандала. Истерики. Обвинений.

Чтобы я сама, своими руками, окончательно разрушила отношения с отцом. Я едва заметно выдохнула, пытаясь понять, как поступить дальше. В одном я была уверена точно, если это спектакль… значит, будем играть.

Я медленно опустила голову, уставившись на носки своих туфель. Шмыгнула носом, и позволила голосу дрогнуть.

— Я… я так виновата, папочка…

Тишина в кабинете изменилась. Я буквально почувствовала это кожей.

— Прости меня… пожалуйста… — тихо продолжила я. — Я… я правда не хотела…не знаю, о чем я думала.

Слова давались легко. Слишком легко, наверное потому, что я не воспринимала эту ситуацию слишком всерьез.

— Я старалась… честно старалась сделать все правильно… но, наверное, я просто… переволновалась… — голос сорвался. — Я так боялась снова сделать что-то не так… но в итоге… сделала только хуже…

Я сжала пальцы, будто пыталась удержать эмоции.

— Я понимаю, как это выглядит, — добавила шепотом. — И понимаю, что ты… разочарован.

Выдержала короткую паузу.

— И ты прав.

Я подняла голову. Глаза влажные. Взгляд открытый, без вызова.

— Я действительно повела себя глупо, я не должна была так поступать с магистром Тэлфрокс, зная…зная, как она дорога тебе.

Арден чуть заметно вздрогнул и я сделала шаг вперед.

— Но я не хотела никому навредить, правда, — и добавила чуть тише. — Я просто… не справилась с твоей просьбой.

Я глубоко вдохнула, а затем повернулась к Лиссе и опустила взгляд.

— Магистр Тэлфрокс… простите меня, пожалуйста. Я понимаю, что вы стараетесь, и… я правда это вижу. Просто… мне сложно вот так сразу все принять, — я на секунду запнулась, будто подбирая слова. — Но это не оправдание. Я не должна была допускать такого.

В кабинете Ардэна повисла тишина. Лисса молчала, но я чувствовала на себе ее взгляд. Осторожный. Оценивающий. А еще она явно была в шоке от моей реакции, потому что ее слезы на глазах мгновенно высохли…в отличие от моих. И я добавила совсем мягко:

— Я не хочу, чтобы мы были врагами.

— О, Аэлина, — голос отца дрогнул, он подскочил ко мне и крепко меня обнял. – Девочка моя, не ожидал, право, но я так рад…так рад, что ты одумалась, и даешь нам с Лиссой шанс.

Вот теперь пауза со стороны Лиссы стала длиннее. Я по-

чти видела, как у нее внутри щелкают шестеренки. Если она сейчас продолжит давить, ее образ «нежной и понимающей» треснет. Я чуть сильнее сжала пальцы. Деваться ей теперь некуда.

— Конечно, — наконец мягко произнесла Лисса. С теплой, почти материнской интонацией. — Я не держу на тебя зла, Аэлина.

Я едва заметно улыбнулась, и снова посмотрела на нее, уже чуть увереннее.

— Тогда, может быть… — я замялась, будто сомневаясь, — мы попробуем узнать друг друга получше?

Отец чуть нахмурился, но не от злости, а от неожиданности, в то время как Лисса, впервые за все время по-настоящему растерялась.

— В смысле? — тихо уточнила она.

— Ну… — я чуть смутилась. — Например… мы можем пообедать вместе. На выходных? Без формальностей. Просто поговорим. Уверена, у нас найдутся общие темы для разговоров.

Я смотрела прямо на нее, спокойно и открыто. И внутри почти усмехалась, потому что теперь ход бы за ней и отказаться она не могла. Никак.

Отец после услышанного изменился на глазах. Еще несколько минут назад в его взгляде была жесткость и разочарование, но стоило мне заговорить иначе, мягче, спокойнее, как что-то в нем дрогнуло. Когда я предложила пообе-

дать вместе, он даже не сразу это осмыслил, а потом и вовсе улыбнулся.

И в этой улыбке было столько искренней радости и, что самое неожиданное, гордости, что внутри у меня все буквально вспыхнуло теплой волной.

— Это хорошая идея, — сказал он, уже куда спокойнее, глядя на меня. — Очень хорошая.

Он перевел взгляд на Лиссу, явно ожидая поддержки, и ей не оставили выбора.

— Конечно, — мягко отозвалась она, вновь надевая свою безупречную маску. — Я только буду рада, если мы сможем сблизиться.

Слова прозвучали правильно, словно каждое было выверено и взвешено. Я кивнула, будто действительно была тронута. На этом разговор закончился. Отец еще раз внимательно посмотрел на меня, уже без прежнего холода, и вернулся к своему столу. А Лисса, все так же удерживая роль, спокойно повела меня к выходу.

Стоило двери кабинета закрыться за нашей спиной, как атмосфера изменилась. Мы прошли несколько шагов по коридору в молчании, и только потом она, чуть повернув голову, с притворным сожалением произнесла:

— Аэлина, я все же вынуждена назначить тебе наказание.

Я едва заметно усмехнулась. Разумеется.

— Иначе адепты могут решить, что подобное поведение допустимо, — продолжила она тем же мягким тоном. — Ты

понимаешь, я не могу поступить иначе.

Конечно понимаю. Особенно то, почему ты не сказала об этом при ректоре.

— После ужина. В моем кабинете, — добавила она.

— Обязательно приду, — спокойно ответила я.

Она кивнула и больше ничего не сказала, когда мы вернулись в аудиторию, как раз прозвучал сигнал оповещающий окончание занятия. Адепты оживились, задвигались, начали собирать вещи. Кто-то бросал на меня любопытные взгляды, кто-то насмешливые, а Вайлет подскочила ко мне почти сразу.

— Ну? — тихо, но напряженно спросила она. — Сильно досталось?

— Буду отбывать наказание после ужина, — я равнодушно пожала плечами. — И все.

Вайлет закатила глаза.

— Я же говорила! Зачем ты вообще это устроила? Думаешь, если испортишь ей урок, ректор вдруг прозреет? Ты только хуже делаешь!

Я сразу не ответила. Мы вышли из аудитории и направились в сторону раздевалок. Только когда шум вокруг стал чуть тише, я остановилась.

— Вайлет.

— Что? — Она недовольно на меня посмотрела.

— Ты поверишь, если я скажу, что не портила зелье?

Я развернулась к ней и внимательно на нее посмотрела.

Она замерла. Сначала на ее лице мелькнуло привычное недоверие, но потом она внимательнее всмотрелась в меня. Видимо, что-то в моем выражении оказалось непривычным.

— Подожди, — медленно сказала она. — Ты сейчас серьезно?

— Абсолютно.

— Тогда… кто? — уже тише спросила она после короткой паузы.

— Лисса, — спокойно ответила я.

— Что? Магистр Тэлфрокс? – охнула она.

— Я видела, как она что-то бросила в котел, — продолжила я. — Прямо перед тем, как все пошло не так.

Вайлет нахмурилась, переваривая.

— Но… зачем ей это?

— Затем же, зачем она сейчас разыгрывает идеальную жертву, — пожала плечами я. — Ей нужно, чтобы мы с отцом поссорились.

Я чуть прищурилась.

— И, судя по всему, это работает уже не первый раз.

Вайлет опустила взгляд, явно вспоминая что-то.

— Знаешь… — медленно протянула она. — Это очень похоже на правду.

Я едва заметно улыбнулась. Мы как раз зашли в раздевалку. Внутри уже было шумно, девушки переодевались, переговаривались, кто-то смеялся. На вешалках висела форма для следующей пары. Я остановилась и только сейчас поняла

очевидное. У меня ее нет.

— Только не говори, что после стирки ты не вернула форму в шкафчик? – Вайлет с сожалением на меня посмотрела.

— Не взяла, — спокойно призналась я.

Да и как я могла подумать о таком? Я тут пытаюсь разобраться, все, что происходит со мной – сон, или больное воображение разыгралось, так что было как-то не до формы. Вот только соседка по комнате считала, что я вляпалась в огромные неприятности. Она схватилась за голову и стала возмущенно ворчать:

— Аэлина! Ты издеваешься? Это боевая дисциплина! Там опаздывать нельзя!

— Все будет нормально, — уверенно сказала я. — Я быстро сбегаю и вернусь.

— Сегодня явно не твой день, — простонала она. — Серьезно. Ты думаешь, после этого отделаешься только наказанием у магистра Тэлфрокс?

Я уже развернулась к выходу, но остановилась.

— А что не так с боевой дисциплиной?

Вайлет посмотрела на меня так, будто я снова сказала что-то дикое.

— Ты правда сейчас спрашиваешь?

Я пожала плечами и Вайлет рвано выдохнула.

— Магистр Риан Картерон. Вот что с ней не так.

— И? – продолжала недоумевать я.

— Да он же тебя ненавидит!

— С чего вдруг? — Я удивленно приподняла бровь.

Вайлет пару секунд просто смотрела на меня, а потом покачала головой.

— Они с Лиссой были помолвлены. Пока она не бросила его и не ушла к твоему отцу.

Я замерла, пытаясь вникнуть в то, что сказала Вайлет. Готова отдать руку на отсечение, что такого не было в сюжете, я бы запомнила. Либо это было настолько вскользь, что читатель просто не предал этой информации значения, по крайней мере, Аэлина ни с каким Рианом не враждовала и открыто не конфликтовала.

— И теперь, — добавила она, — магистер Картерон при любой возможности пытается тебя завалить. Все думают, что это из-за твоего поведения, но…

Она пожала плечами.

— Похоже, дело не только в этом. Он явно хочет через тебя отомстить ректору.

Я медленно кивнула. Картина становилась все интереснее.

— В общем, — подытожила Вайлет, — если ты сейчас опоздаешь, он тебя просто сожрет.

— Посмотрим, — усмехнулась я и развернулась к выходу.

Кажется, в этом месте у меня намечается не один враг, теперь нужно еще обдумывать стратегию поведения рядом с магистром по боевой дисциплине.

Глава 5

Найти форму оказалось куда сложнее, чем я ожидала. Если честно, я была уверена, что она просто лежит где-то в шкафу, аккуратно сложенная и ждет своего часа. Но реальность быстро расставила все по местам. В комнате было слишком много одинаковых ящиков, полок и отделений, и ни одно из них не выглядело как «очевидное место для формы». Без Вайлет рядом я ощутимо теряла в ориентировании.

Я перебрала почти все, уже начиная раздражаться, когда совершенно случайно наткнулась на узкий высокий шкаф у стены. Внутри оказалось… пусто. Почти. Присутствовал только аккуратно сложенный комплект формы. И только тогда до меня дошло. Это же тот самый шкаф для белья из книги.

Оставляешь в нем грязную одежду, а на следующее утро получаешь чистую. Простая, удобная система, на которую я при чтении даже не обратила внимания, потому что в сюжете она не играла никакой роли. А вот сейчас — очень даже.

Я быстро переоделась, на ходу заплетая волосы, и выскочила из комнаты, уже прекрасно понимая, что опоздала. Вопрос был только – насколько, и я быстро получила на него ответ, потому что мое опоздание было критическим.

Когда я добралась до стадиона, занятие уже шло полным ходом. Просторная площадка располагалась за главным кор-

пусом Академии, и сейчас она гудела от движения и команд. Девушки бежали круги вдоль периметра, кто-то уже тяжело дышал, кто-то держался уверенно. Парни отжимались прямо на покрытии, стиснув зубы, пока между ними медленно прохаживался преподаватель, время от времени останавливаясь и бросая короткие, точные замечания.

И вот его невозможно было не заметить.

Вайлет сказала, что его зовут Риан Картерон.

Черная футболка с короткими рукавами плотно облегала его торс, подчеркивая широкие плечи и хорошо развитую мускулатуру. Узкие темные брюки не оставляли простора для фантазии — фигура мужчины была безупречной, сильной, выверенной. Движения, уверенные, экономные, без лишней суеты. На вид ему было не больше тридцати пяти, и в этом возрасте он находился в той идеальной точке, где сила уже полностью сформировалась, а резкость и реакция еще никуда не ушли.

Легкая щетина придавала его лицу жесткость и одновременно притягательность, а темные волосы, длиной до плеч, только усиливали этот эффект. В нем не было ничего «академического» в привычном смысле, он больше походил на человека, который привык действовать, а не рассуждать. И да… Лисса, похоже, действительно сделала крайне спорный выбор. Нет, мой «отец» был красив. По-своему. Статно, уверенно, солидно. Но здесь… я чуть прищурилась, невольно задержав взгляд. Здесь было что-то совсем другое.

Пока я мысленно сравнивала двух мужчин, Риан вдруг обернулся, и сразу заметил меня.

Его взгляд скользнул по мне с головы до ног, задержался на форме, потом вернулся к лицу. Уголок губ дернулся. Да он усмехается, гад такой…а еще преподавателем себя зовет.

— Надо же, — протянул он достаточно громко, чтобы ближайшие адепты услышали. — Вы все-таки решили почтить нас своим присутствием, адептка Вейр.

Я остановилась в нескольких шагах от него.

— Лучше поздно, чем никогда, магистр, — спокойно ответила я.

Тон получился… на грани, я это поняла сразу. И, судя по тому, как Риан чуть приподнял бровь — он тоже. Интересно. Значит, прежняя Аэлина так с ним не разговаривала.

— Смело, — заметил он. — Но неуместно.

Он сделал шаг ближе, парни отвлеклись, перестали отжиматься и обратили на нас внимание, прислушиваясь к диалогу.

— То, что вы дочь ректора, не дает вам права выбирать, какие занятия посещать, а какие… игнорировать. И уж тем более, вы не в том положении, чтобы дерзить преподавателю.

Голос магистра был ровным, но в нем чувствовалась сталь.

— За опоздание я вам назначаю два штрафных круга, — продолжил он. — Плюс к тем, которые уже предусмотрены академическим планом. Их отработаете вечером, после ужи-

на. Как раз будете в отличной для этого форме.

На его лице появилась язвительная улыбка, и в моменте мне стало обидно за себя, а от мысли, что это только начало учебного дня, я тихо хмыкнула.

— Тогда вам придется подождать, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — У меня уже есть наказание на вечер от другого магистра.

На секунду повисла пауза, я уже думала, что Риан Картерон выберет для наказания другой день, но нет, он всего лишь улыбнулся. Не широко, но очень выразительно.

— В таком случае, — спокойно ответил он, — я с удовольствием вас подожду.

Я закатила глаза.

— Бегом, адептка.

Спорить дальше было бессмысленно, я развернулась и встала на дорожку. Десять кругов. Без разминки. Преподаватель из него так себе, пусть и лицом удачно вышел.

Первые шаги дались легко, адреналин еще держал, но уже к середине первого круга тело начало напоминать, что оно вообще-то не в восторге от происходящего. Дыхание сбивалось, мышцы постепенно наливались тяжестью. Я усмехнулась про себя, отмечая степень своего везения. Стоило только проснуться в этом мире — и вот, пожалуйста. Два наказания. И это я только на второе занятие сходила.

Я ускорилась, стараясь не сбиваться с ритма. К третьему кругу я уже перестала делать вид, что мне «нормально».

Дыхание окончательно сбилось, грудную клетку неприятно жгло, а ноги постепенно наливались тяжестью, словно кто-то незаметно подвесил к ним гири. Я старалась держать ровный темп, но каждый новый шаг давался чуть сложнее предыдущего, и единственное, что удерживало меня от того, чтобы замедлиться — это упрямство и пристальный взгляд Риана, который я чувствовала даже спиной.

Зато был и неожиданный плюс. Бег заставлял смотреть по сторонам, а не только под ноги, и я успевала рассмотреть Академию так, как не смогла бы, просто переходя из аудитории в аудиторию. Огромное здание с несколькими корпусами раскинулось полукругом, соединенное переходами и галереями, в которых мелькали адепты. Камень стен отливал теплым оттенком на солнце, создавая ощущение не холодной крепости, а живого, дышащего места. Чуть дальше дорожка уходила к озеру — гладкая вода отражала небо, и на секунду даже захотелось остановиться, просто чтобы перевести дух и посмотреть, как по поверхности пробегает легкая рябь. Но я только ускорила шаг, потому что останавливаться было нельзя. За озером виднелся лес, темный, плотный, с почти черной линией деревьев, и от него тянуло чем-то неизвестным и, если честно, немного тревожным.

Каждый раз, пробегая мимо Риана, я уже заранее готовилась.

— Быстрее бежать не можете? — лениво бросил он на четвертом круге. — Или это ваш предел?

— Боюсь разочаровать, вас магистр, — выдохнула я, не сбавляя темпа, — но это только разминка.

Он усмехнулся, а я через пару секунд пожалела о своем ответе, потому что дыхание сказало "все", и следующий участок пришлось буквально вытягивать на силе воли.

На шестом круге он снова не удержался:

— Удивительно, что вы еще на ногах, — произнес он своим язвительным тоном.

— Сама в шоке, — процедила я, чувствуя, как пересыхает во рту.

Каждая такая перепалка стоила мне лишних сил, но молчать почему-то не получалось, словно я автоматически поддавалась на его провокации, а он, судя по довольному выражению лица, именно этого и добивался.

К восьмому кругу я уже не чувствовала легкости в теле, только ритм: вдох – шаг; выдох — шаг. Радовало одно — тело Аэлины действительно было натренированным, потому что будь это моя прежняя физическая форма, я бы остановилась еще на втором круге и, возможно, легла где-нибудь у дорожки, изображая трагедию.

Когда я наконец завершила десятый круг, мир на секунду качнулся. Я замедлилась, пытаясь восстановить дыхание и не показать, насколько мне тяжело, хотя по ощущению лицо у меня было красным, словно я только-только вылезла из растопленной сауны.

— Еще живы? – язвительно поинтересовался Риан, про-

ходя мимо.

— Как видите, — хрипло ответила я.

Тренировка, к счастью, не могла длиться вечно. Нас быстро разделили на пары для отработки защитных упражнений, и я уже мысленно приготовилась к новому витку издевательств над собственным организмом, но в этот момент прозвенел сигнал окончания занятия. Это был, пожалуй, самый приятный звук за весь день.

Я не стала испытывать судьбу и, пока Риан переключился на других адептов, тихо и максимально незаметно покинула площадку.

Следующая лекция по теории магии оказалась полной противоположностью предыдущему занятию. Преподавателем был высокий мужчина за пятьдесят, с очками странной формы на носу. Говорил он медленно, тянуще, словно каждое слово проходило через несколько фильтров перед тем, как выйти наружу. Его голос убаюкивал, а после физической нагрузки это действовало почти как заклинание сна. Я держалась из последних сил, но краем глаза видела, как половина аудитории уже откровенно клевала носом.

Когда лекция закончилась, я почувствовала облегчение не меньшее, чем после пробежки. Далее по расписанию был обед, и уже в столовой Вайлет не стала тянуть и решила по полной меня отчитать.

— Ты вообще думаешь, что делаешь? — начала она, едва мы взяли подносы с едой и сели. — Зачем ты ему дерзила?

Ты только даешь магистру Картерону повод!

— Он и без поводов прекрасно справляется, — спокойно ответила я, делая глоток сока.

— Аэлина…неужели ты не понимаешь, что он может пожаловаться на дерзость и тебя отчислят?!

— Не понимаю, и вообще, — добавила я, чуть пожав плечами, — тебе не кажется, что он слишком красив для преподавателя, чтобы к его мнению прислушивались?

Вайлет подавилась соком. Буквально. Половина жидкости расплескалась на белоснежную скатерть. Я уже хотела что-то добавить, но в этот момент рядом с нашим столиком появился Каэль Морейн.

Соседка мгновенно притихла и, что удивительно, даже не попыталась вступить с ним в диалог, а просто забрала свой поднос и пересела за другой столик.

— Могу? — мягко спросил он, уже присаживаясь.

Я кивнула. Он внимательно посмотрел на меня, и его взгляд стал чуть обеспокоенным.

— Ты выглядишь уставшей, Аэлина, — неодобрительно вздохнул он и покачал головой. — Не стоит так сильно усердствовать в учебе. Возможно… это просто не твое.

Я внутренне усмехнулась, но внешне лишь спокойно ответила:

— Спасибо за заботу, Каэль. Это ценно.

И, не давая ему развить мысль, добавила:

— Кстати, сегодня вечером у меня не получится встре-

титься. Я получила два наказания.

На секунду в его глазах мелькнул интерес, который сменился грустью и сожалением.

— И почему я не удивлен, Аэлина? – поинтересовался Каэль, внимательно в меня вглядываясь. – В последнее время ты слишком раздражительная, кажется, тебе нужно меньше времени проводить с отцом. Зачем себя изводить лишними встречами с магистром Тэлфрокс? Я хорошо отношусь к ректору, но не могу смотреть на то, как он разрушает тебя своим безразличием. Всем видно, что ты для него ничего не значишь, именно поэтому ты стараешься изо всех сил, чтобы показать, на что ты способна, но, дорогая, выше головы не прыгнешь.

Я чуть наклонила голову, позволяя его словам «осесть», будто действительно обдумываю услышанное, и только после этого спокойно посмотрела на него, не убирая мягкого выражения с лица, которое, как я уже успела заметить, действовало на Каэля почти безотказно.

— Возможно, ты прав, — сказала я негромко, делая вид, что мне непросто это признать. — Я действительно слишком остро на все реагирую в последнее время… просто иногда хочется, чтобы тебя замечали, даже если ты уже не ребенок.

Я отвела взгляд, словно смущаясь собственной откровенности, а затем добавила чуть тише:

— Но ты не переживай, я постараюсь не зацикливаться на этом.

Ответ получился ровно таким, каким и должен быть: без прямого сопротивления, но и без привычного провала в его логику. Каэль нахмурился, внимательно всматриваясь в меня, словно пытаясь нащупать подвох, и на секунду мне даже стало интересно, заметит ли он, что я больше не двигаюсь по заданному им сценарию.

Я выдержала паузу, а затем мягко улыбнулась.

— Спасибо, что переживаешь за меня.

И вот это сработало.

Напряжение на его лице разгладилось, взгляд снова стал теплее, почти удовлетворенным, словно он решил, что все под контролем, просто я немного «сбилась» и уже возвращаюсь в привычное русло.

— Жаль, что мы не увидимся вечером, — сказал он с легкой печалью в голосе.

Только вот в глазах этой печали не было. Наоборот, там мелькнуло что-то вроде предвкушения, быстрой перестройки планов, как у человека, который уже нашел, чем заменить освободившееся время, и даже остался в выигрыше.

Интересно.

— В следующий раз, — спокойно ответила я. – Я бы тоже хотела провести вечер с тобой, но эти преподаватели…сам понимаешь.

Он кивнул, еще раз окинул меня взглядом и вскоре поднялся из-за стола, оставляя после себя ощущение, будто только что завершил очередной маленький эксперимент.

Как только он ушел, я закончила обед и подсела за стол к Вайлет.

— Что у нас дальше?

— В смысле? – она недоуменно на меня посмотрела, а я мысленно дала себе затрещину. Никто же не знает, что я ненастоящая Аэлина.

— По расписанию, — уточнила я.

Теперь она посмотрела на меня уже с явным удивлением.

— Ты… ничего не забыла?

Я вопросительно приподняла бровь.

— Например?

— Ты не собираешься покормить Нокса? Всегда же этим занимаешься после обеда.

К этому времени мы уже выходили из столовой, но я остановилась посередине прохода. Нокс… конечно. Маленький лис с мягкой шерстью и умными глазами, который в книге был едва ли не единственным существом, искренне привязанным к Аэлине… и которого она потеряла к середине сюжета.

Я помнила, как читала этот момент. И как это было больно. Про смерть магического существа я читала со слезами на глазах, а сейчас у меня появилась уникальная возможность увидеть его вживую.

— Пойдем, — сказала я, чуть тише, чем собиралась. – Не хочешь составить мне компанию?

На самом деле у меня не было ни малейшего представле-

ния, куда идти, поэтому я и попросила Вайлет пройтись со мной.

Соседка сразу оживилась.

— Ты еще спрашиваешь?! Конечно!

Со слов Вайлет я поняла, что она в восторге от магических фамильяров, но своим пока не обзавелась, хотя уже в мечтах и представляла, как именно произойдет это слияние двух энергий, затем она сменила тему и оставшуюся часть пути посвятила рассказам о следующей паре по руническому письму, но я уже слушала вполуха, потому что мысли крутились совсем вокруг другого.

Если Нокс здесь, значит, сюжет только начинается…надеюсь мой странный сон не продлится на протяжении всей книги, умирать от руки собственного мужа в мои планы не входило.

Мы дошли до загонов довольно быстро. Помещение оказалось большим, разделенным на несколько отсеков, и первое, куда мы попали — это ряд шкафчиков с именами адептов. Я без труда нашла свой, приложила ладонь, и дверца мягко открылась.

Внутри лежал корм — смесь крупы и отрубей, аккуратно расфасованная, с мерным стаканом сверху.

Я зачерпнула нужное количество и направилась дальше.

Основное помещение встретило запахом зерна, шерсти и чего-то еще, характерного для большого скопления живности. Вольеры тянулись вдоль стен, в некоторых кто-то шеве-

лился, в других лениво лежали магические существа самых разных форм и размеров.

Но я искала только одного, и сразу же его нашла.

Нокс поднял голову, едва я переступила порог его секции. Маленький, аккуратный, с пушистым хвостом и внимательными глазами, он дернул носом, будто принюхивался, а затем уставился прямо на меня.

Я подошла ближе, стараясь не выдать, насколько мне хочется просто взять его на руки.

— Привет, — тихо сказала я, присаживаясь.

Он не двинулся. Я насыпала корм в специальный контейнер, и в этот момент в голове раздалось недовольное, отчетливое ворчание:

«Что, снова пришла меня травить?»

Я застыла, подумав, что ослышалась, однако перевела взгляд на лиса и поняла, что это он таким образом решил со мной поговорить.

— Прости? – удивленно выдохнула я.

Нокс прищурился.

«Так, так, так…ты не Аэлина, тогда кто ты? Неужели у меня получилось?»

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается совершенно новое, почти детское изумление, а Нокс тем временем поднялся на четыре лапы и грациозно потянулся.

— О чем ты говоришь? – так же мысленно ответила я, чтобы не привлекать внимание Вайлет, которая с интересом

прохаживалась мимо остальных вольеров. – Ты знаешь, что я не Аэлина?

«Знаю, — кивнул Нокс, — после моей смерти Боги дали мне еще один шанс, и я решил им воспользоваться, вернувшись в прошлое».

— Но почему ты считаешь, что Аэлина тебя травила? В книге ничего такого не говорилось…

«Мда, с книгой я переборщил…»

— Так ты еще у нас и писатель? – этот маленький комок шерсти не переставал меня удивлять.

«Только если собственной судьбы. В любом случае времени у нас мало, Каэль следит за каждым твоим шагом, если он увидит, что ты у меня задержалась, он может что-то заподозрить. Так что поговорим чуть позже, заходи ко мне перед сном, я отвечу на все твои вопросы, а пока прими первый совет. Пропусти сегодня ужин и сразу же иди на отработку к своей будущей мачехе».

Сомнений больше не оставалось. Я вляпалась.

И не по щиколотку, а по самую макушку, потому что все происходящее слишком последовательно, слишком логично укладывалось в одну пугающую картину: это не сон, не игра воображения и не нервный срыв, а вполне реальный мир, в котором у меня теперь есть тело, репутация, враги и, как выяснилось, один крайне разговорчивый лис с замашками автора собственной судьбы.

Я медленно выпрямилась, глядя на Нокса, который уже

как ни в чем не бывало стал упорно вылизывать свою шерстку, делая вид, что разговор окончен. И только кончик хвоста чуть подрагивал, выдавая его довольство собой.

Значит, это он. Или, по крайней мере, его решение. Либо я попала в книгу, которую читала, либо никакой книги не было, а был мир, в который я каким-то образом заглянула раньше, даже не подозревая об этом.

Параллельная реальность? Чужая жизнь? Чужая история, в которую меня просто… вставили? Я недовольно сжала губы. Ладно. Разберемся. Сегодня ночью он мне все расскажет, и если у этого пушистого стратега действительно есть способ вернуть меня обратно, я его найду, даже если придется вытрясти из него каждую деталь.

Потому что там, на Земле, у меня осталась жизнь, пусть и не идеальная, пусть и треснувшая по швам, но моя, с работой, обязанностями и прошлым, от которого я не успела окончательно отрезать себя.

А здесь… здесь меня уже пытаются утопить.

Оставшуюся часть дня я провела как в тумане. Еще три лекции сменили друг друга, но я воспринимала их обрывками, ловя отдельные слова и не связывая их в единое целое, потому что мысли возвращались к одному и тому же: Нокс, Лисса, Каэль и ощущение, что я стою в самом центре чьей-то очень продуманной игры.

Вайлет несколько раз бросала на меня недовольные взгляды, явно замечая, что я «выпала» из реальности, но ничего

не говорила, а преподаватели, к счастью, тоже не проявляли особого интереса к моему состоянию. Все-таки быть дочкой ректора — это удобно.

К ужину я была уже на грани, потому что ожидание растягивалось, как натянутая струна.

— Я, наверное, не пойду есть, — сказала я Вайлет, когда мы вышли из аудитории. — Нет аппетита. Лучше сразу схожу на отработку, быстрее закончу — быстрее освобожусь.

Вайлет посмотрела на меня с сомнением, но спорить не стала.

— Смотри сама, — пожала она плечами.

Я кивнула и, не теряя времени, направилась к кабинету магистра Тэлфрокс.

Коридоры постепенно пустели, и чем ближе я подходила, тем отчетливее чувствовала странное напряжение, словно что-то должно было случиться. Я уже коснулась дверной ручки, собираясь постучать, когда из-за двери донесся смех. Звонкий. Легкий. Слишком… личный.

От неожиданности я замерла и прислушалась.

Инстинкт оказался быстрее здравого смысла, потому что вместо того, чтобы уйти или обозначить свое присутствие, я едва заметно приоткрыла дверь и заглянула внутрь. И сразу поняла, что сделала это не зря, потому что передо мной открылась потрясающая картина.

Лисса сидела на своем рабочем столе, откинувшись назад, и выглядела расслабленной, почти ленивой, а у ее ног… сто-

ял Каэль. Он преклонялся перед ней, медленно проводя губами по ее ноге, поднимаясь выше, и в этом движении не было ни капли случайности, только уверенность и привычка.

Картина была почти красивой, если забыть, кто именно в ней участвует. Лисса тихо рассмеялась, запрокидывая голову.

— Перестань, глупенький, нас могут увидеть…

— Все на ужине, — лениво ответил мой женишок. — Включая твою «падчерицу», которую мне приходится терпеть.

Я чуть сильнее прижала дверь, чтобы она не скрипнула.

— Она мне еще не падчерица, — простонала Лисса, когда Каэль резко поднял ее юбку и оставил поцелуй на внутренней стороне бедра.

— По скорей бы уже, — фыркнул Каэль. – А то знаешь ли, она меня достала.

— Ты уверен? — с усмешкой протянула магистр Тэлфрокс. — Вдруг ты уже начал к ней привязываться?

Каэль рассмеялся.

— К ней? Серьезно? Она холодная, замкнутая, пустая. С ней даже разговаривать скучно, не говоря уже обо всем остальном. Ты бы видела, как она прислушивается к каждому моему слову, как робеет…временами это даже смешно. С трудом себя сдерживаю, чтобы не засмеяться.

Я почувствовала, как внутри поднимается что-то темное и очень спокойное. Его слова ни капельки меня не задели.

— Ты же знаешь, — продолжил он, — я начал с ней встречаться только ради тебя.

Лисса прищурилась.

— Чтобы сделать мне больно?

— А ты разве не сделала то же самое? — легко парировал он. — Связалась с ее отцом.

Она усмехнулась.

— Ты прекрасно понимаешь, зачем это нужно. Здесь нет никаких чувств.

— Как и у меня, — улыбнулся Каэль. – Если я буду рядом с Аэлиной, то автоматически буду рядом с тобой.

Они на секунду замолчали, и в этой паузе было больше смысла, чем во всех их словах, а потом Лисса, чуть нахмурившись, произнесла:

— Когда уже этот лис сдохнет? Он может все испортить.

Я замерла.

— Работаю над этим, — спокойно ответил Каэль. — Сделаю так, что виновата будет она. Осталось совсем чуть-чуть.

Внутри что-то щелкнуло. Все стало на свои места. Я чуть сильнее подалась вперед, не желая упустить ни слова, но в этот момент за моей спиной раздалось негромкое, насмешливое покашливание.

Я дернулась так резко, что сама испугалась, мгновенно отпрянула от двери и захлопнула ее. Сердце глухо ударило в груди.

— Подглядываете? — лениво поинтересовался знакомый

голос.

Я обернулась. Риан Картерон стоял в нескольких шагах от меня, скрестив руки на груди, и смотрел так, будто ситуация его откровенно забавляла. Отлично. Просто прекрасно. Он то что здесь забыл?

Глава 6

— А вы подглядываете за тем, как подглядываю я? — поинтересовалась я, вскинув бровь так, будто ситуация была совершенно обычной, а не компрометирующей для меня со всех сторон.

Я даже изобразила легкое замешательство и провела рукой по волосам, будто вспоминая что-то крайне важное.

— Вообще-то я просто мимо шла… кажется, сережку обронила.

Риан сощурился и некоторое время молча рассматривал меня, причем делал это так внимательно и неторопливо, словно перед ним находился не адепт, а подозрительный экземпляр насекомого под лабораторным стеклом.

— Дерзите? — наконец спросил он спокойно.

— Констатирую, — улыбнулась я.

Он чуть наклонил голову, и в его взгляде м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.